

Габриэль
Гарсиа Маркес

Нобелевская
премия

История
похищения

[роман-репортаж]

Габриэль Гарсиа Маркес

История похищения

«АСТ»

1996

Маркес Г.

История похищения / Г. Маркес — «АСТ», 1996

ISBN 978-5-271-41678-1

Самый динамичный и захватывающий из документальных романов великого колумбийца – его читаешь затаив дыхание. В 1990 году некоронованные короли Колумбии – наркобароны во главе с Пабло Эскобаром организовали похищение девяти знаменитых журналистов. В обмен на возвращение заложников они потребовали отмены решения об отправке нескольких арестованных членов наркомафии в США, где им грозило пожизненное заключение. Правительство Колумбии отказалось идти на сделку с бандитами. И тогда роль посредника между властями и преступниками взял на себя муж одной из похищенных...

ISBN 978-5-271-41678-1

© Маркес Г., 1996

© АСТ, 1996

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	27
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Габриэль Гарсиа Маркес

История похищения

Предисловие

В октябре 1993 года Маруха Пачон и ее муж Альберто Вильямисар предложили мне написать книгу о том, что ей пришлось испытать, когда ее похитили и полгода держали в заточении, и о титанических усилиях мужа по ее освобождению. Но когда были готовы кое-какие наброски, нам стало ясно, что нельзя рассказывать об этом похищении в отрыве от девяти других, которые произошли в стране в то же самое время. На самом деле это было не десять разных случаев, как нам показалось сначала, а единая операция по захвату десяти весьма прицельно выбранных заложников; и устроили это одни и те же лица, с одинаковой, одной-единственной целью.

Запоздалое понимание сего факта вынудило нас начать все заново, изменив структуру и сам дух повествования, чтобы как можно точнее обрисовать всех героев и их ближайшее окружение. Изменилась и форма подачи материала: если в первоначальном варианте сюжет был как бесконечная дорога по краю обрыва, то теперь его хитросплетения напоминают лабиринт. В результате работа растянулась вместо одного года почти на три, и Маруха с Альберто, рассказы которых стали центральной осью и путеводной нитью повествования, всегда охотно и своевременно приходили мне на помощь.

Я постарался опросить как можно больше участников событий, и все они великодушно согласились потревожить покой своей памяти и разбередить ради меня раны, о которых, вероятно, хотели бы позабыть навсегда. Их боль, терпение и гнев вдохновили меня на продолжение труда, выпавшего на мою долю на закате лет, труда, пожалуй, самого тяжелого и скорбного, который мне пришлось предпринять за всю мою жизнь. Жаль только, что сами действующие лица увидят в книге лишь слабое отражение того ужаса, который они реально испытали. Особенно это касается родственников двух погибших заложниц, Марины Монтойи и Дианы Турбай, прежде всего – Дианиной матери, доньи Нидии Кинтеро де Балькасар, встречи с которой произвели на меня глубочайшее, неизгладимое впечатление.

Ощущение ограниченности писательских возможностей перед лицом реальной жизни наряду со мной испытывают еще два человека, с которыми мы вместе, работая в доверительном контакте, возводили здание романа. Это журналистка Лусанхела Артеага, сумевшая выявить и раздобыть множество невероятных фактов, проявив упорство и выдержку настоящего охотника, а также Маргарита Маркес Кабальеро, моя двоюродная сестра и личная секретарша, которая все записывала, приводила в порядок, перепроверяла и вникала в скрытую суть событий, благодаря чему мы не утонули в ворохе разноречивых материалов, хотя несколько раз уже были на грани этого.

Мне хочется выразить безмерную благодарность героям книги и всем, кто постарался, чтобы не канула в забвение жуткая трагедия, которая, увы, является лишь одним из эпизодов поистине библейской катастрофы, разразившейся в Колумбии за последние двадцать лет. Я посвящаю роман им и вообще всем колумбийцам, как невиновным, так и виноватым, и надеюсь, что больше такой книги писать не придется.

Г.Г.М.

Картахена, Колумбия, май 1996 года.

Глава 1

Прежде чем сесть в автомобиль, она оглянулась через плечо – убедиться, что за ней не следят. В Боготе было полвосьмого вечера. Час назад уже стемнело, Национальный парк освещался плохо, на фоне пасмурного, грустного неба деревья, с которых облетели листья, выглядели зловеще призрачно, однако бояться вроде бы было нечего. Маруха села позади шофера; это было не по чину, но место за шофером всегда казалось ей самым удобным. Беатрис открыла другую дверь и села справа от нее. Они задержались на работе почти на час, и обе очень устали, после трех рабочих совещаний подряд их клонило в сон. Особенно Маруху: у нее накануне вечером был сбор гостей, и она спала от силы три часа. Маруха вытянула затекшие ноги, откинула голову на подушку сиденья, закрыла глаза и привычно распорядилась:

– Домой, пожалуйста.

Маршрут, которым они обычно возвращались домой, мог варьироваться: и по соображениям безопасности, и из-за пробок. «Рено-21» был новым и комфортабельным, шофер водил его умело и аккуратно. В тот вечер лучше всего оказалось поехать по окружной дороге, ведущей на север. Они проскочили три светофора на зеленый свет, машин этим вечером было меньше, чем обычно. Впрочем, и при наихудшем раскладе дорога от офиса до дома номер 84А-42, находившегося на углу Третьей улицы, где жила Маруха, занимала полчаса, после чего шофер вез домой Беатрис, которая жила в семи кварталах от Марухи.

Маруха происходила из семьи известных интеллектуалов, среди которых были журналисты в нескольких поколениях. Сама Маруха тоже была журналисткой, лауреатом нескольких премий. Два месяца назад она стала директором «Фосине», государственной компании по развитию кинематографии. Беатрис, ее зовушка и персональный ассистент, много лет проработала физиотерапевтом, но теперь решила сделать паузу и на время «сменить тему». В основном она занималась в «Фосине» связями с прессой. Бояться им обеим вроде бы было нечего, но у Марухи выработалась и дошла почти до автоматизма привычка оглядываться по сторонам, поскольку с августа прошлого года наркомафия начала похищать журналистов и выбор следующей жертвы был непредсказуем.

Маруха опасалась не напрасно. Хотя Национальный парк казался безлюдным, на самом деле Маруху подстерегали целых восемь человек. Один сидел за рулем припаркованного на противоположной стороне улицы «Мерседес-190» с фальшивыми боготинскими номерами. Другой был за рулем желтого ворованного такси. Четверо молодчиков в джинсах, кроссовках и кожаных куртках прятались во мгле парка. Седьмой, высокий и стройный, был одет совсем не по-осеннему и держал в руках кейс: ни дать ни взять молодой клерк. А чуть поодаль, из кафе на углу за происходящим наблюдал ответственный за операцию, которая тщательно и напряженно готовилась в течение трех недель.

Такси и «мерседес» поехали за Марухиной машиной, держа минимальную дистанцию; они так делали уже с понедельника, поскольку нужно было изучить маршруты, которыми Маруха обычно возвращалась домой. Через двадцать минут все свернули направо на Восемьдесят вторую улицу; до кирпичного, неоштукатуренного дома, в котором Маруха жила с мужем и одним из двух своих сыновей, оставалось меньше двухсот метров. Но на крутом подъеме желтое такси вдруг обогнало машину Марухи и прижало ее к левому тротуару, из-за чего шоферу пришлось резко затормозить, чтобы избежать столкновения. «Мерседес» же почти одновременно остановился сзади, лишив Марухин автомобиль возможности маневра.

Трое мужчин выскочили из такси и решительным шагом направились к машине Марухи. Высокий, хорошо одетый юноша держал в руке какое-то странное оружие; Марухе показалось, что это ружье с укороченным прикладом и длинным, толстым стволом, напоминающим подзорную трубу. В действительности это был девятимиллиметровый «мини-узи» с глушителем,

способный стрелять как одиночными, так и непрерывной очередью, выпаливая за две секунды аж тридцать пуль. Два других бандита тоже были вооружены автоматом и пистолетом. А вот того, что из «мерседеса», остановившегося сзади, вышло еще трое мужчин, Маруха и Беатрис даже не заметили.

Нападавшие действовали так слаженно и быстро, что впоследствии Маруха и Беатрис могли вспомнить лишь разрозненные фрагменты происшедшего, хотя нападение на них длилось от силы пару минут. Пятеро мужчин окружили автомобиль и с профессиональным проворством занялись сразу всеми тремя, кто в нем сидел. Шестой участник захвата с автоматом наперевес следил за улицей. Маруха поняла, что ее предчувствия сбываются...

– Анхель, езжай! – крикнула она водителю. – Езжай по тротуару, как угодно... Не стой на месте!

Но Анхель окаменел от ужаса. Да и в любом случае он не смог бы никуда двинуться, потому что такси и «мерседес» зажали его с обеих сторон. Боясь, что бандиты откроют огонь, Маруха прижала к груди сумку, как будто это был пуленепробиваемый жилет, спряталась за водительским сиденьем и крикнула Беатрис:

– Ложись на пол!

– Еще чего! – пробормотала Беатрис. – На полу нас точно убьют.

Она дрожала, но сохраняла самообладание. Считая, что это просто уличные грабители, Беатрис с трудом сняла с правой руки два кольца и бросила их в окошко. Дескать, подавитесь! Снять кольца с левой руки она уже не успела. А Маруха, съездившаяся за шоферским сиденьем, про свое кольцо и серьги с бриллиантами и изумрудами даже не вспомнила.

Двое налетчиков распахнули дверцу машины со стороны Марухи, двое – со стороны Беатрис. Пятый выстрелил сквозь стекло в голову шоферу, но звук выстрела благодаря глушителю напомнил лишь короткий вздох. Затем убийца открыл дверь, одним рывком вытащил водителя из автомобиля и, бросив на землю, всадил в него еще три пули. Вот что значит «превратности судьбы»: Анхель Мария Роа всего три дня как начал работать у Марухи и так гордился своим новым местом, возможностью пощеголять в темном костюме и накрахмаленной рубашке с черным галстуком – у министерских шоферов была такая униформа. Его предшественник уволился неделю назад по собственному желанию, проработав в «Фосине» десять лет.

Об убийстве шофера Маруха узнала гораздо позже, а тогда она из своего укрытия услышала лишь короткое звяканье разбитого стекла и властный окрик почти над ухом:

– Мы за вами, сеньора! Выходите!

Кто-то вцепился в нее железной хваткой и вытащил из автомобиля. Она пыталась отбиться, упала, поцарапала ногу, но двое мужчин подхватили ее и понесли к машине, припаркованной сзади. Никто даже не заметил, что Маруха не выпускает сумку из рук.

У Беатрис были длинные, крепкие ногти и хорошая военная подготовка, поэтому она не спасовала перед парнем, который попытался выволочь ее на улицу.

– А ну убери руки! – заорала она.

Парня передернуло. Беатрис поняла, что он тоже страшно нервничает и способен сейчас на все. Поэтому она сменила тон:

– Я сама выйду. Говорите, что надо делать.

Парень указал на такси:

– Залезайте туда и ложитесь на пол. Быстро!

Двери такси были открыты, мотор работал, шофер сидел за рулем, словно изваяние. Беатрис, как могла, улеглась в проеме между сиденьями. Похититель прикрыл ее сверху курткой и уселся на сиденье, положив ноги на Беатрис. Два других налетчика сели один рядом с водителем, другой сзади. Водитель подождал, пока дверцы захлопнутся, рывком тронулся с места и помчался по окружной дороге на север. Только тут Беатрис сообразила, что оставила свою

сумку в машине Марухи, но уже было поздно. Ее захлестывал страх, лежать было неудобно, но больше всего она мучилась от того, что от куртки исходил какой-то гадкий аммиачный запах.

«Мерседес», в который затолкнули Маруху, уехал чуть раньше и другим путем. Ее посадили на заднее сиденье между мужчинами. Тот, что сел слева, пригнул Марухину голову к своим коленям, в таком скрюченном состоянии ей было очень тяжело дышать. Человек, усевшийся рядом с шофером, связывался со второй машиной по самому обыкновенному мобильному телефону. Маруха пребывала в полной растерянности, не понимая, в какой машине ее увозят – она ведь не знала, что эта машина подъехала к ним сзади, – но чувствовала, что машина новая, комфортабельная, даже, возможно, бронированная, поскольку шум с улицы был еле слышен и скорее напоминал шелест дождя. Ей не хватало воздуха, сердце выпрыгнуло из груди, она начала задыхаться. Человек, сидевший рядом с шофером – он вел себя как начальник, – почувствовал ее тревогу и постарался успокоить.

– Сидите смиренно, – бросил он ей через плечо. – Мы хотим передать через вас одно сообщение. Через несколько часов вы вернетесь домой. Но если будете дергаться, я за последствия не отвечаю. Лучше сидите тихо.

Тот, что пригнул Марухину голову к своим коленям, тоже пытался ее утихомирить. Маруха сделала глубокий вдох, потом медленный выдох ртом – и постепенно начала приходить в себя. Через несколько кварталов ситуация изменилась, потому что машина подъехала к развязке; шоссе, круто забиравшее вверх, было забито. Мужчина орал, отдавая по телефону приказы, которые водитель другого автомобиля выполнить не мог. Несколько машин «скорой помощи» застряли в пробке, от воя сирен и оглушительных гудков человек с расшатанными нервами мог совсем сойти с ума. А у похитителей, по крайней мере в этот момент, нервы были очень даже расшатаны. Шофер так распахивался, пытаясь выбраться из пробки, что столкнулся с такси. Мужчина с рацией велел выбирать любую цену, и машина поехала прямо по тротуару и по каким-то пустырям.

Объехав пробку, шофер снова начал подниматься по шоссе в гору. У Марухи создалось впечатление, что они едут в сторону горы Ла Калера, где в это время суток всегда было полно народу. Маруха вдруг вспомнила, что у нее в кармане пиджака есть семена кардамона, обладающие успокоительными свойствами, и попросила разрешения их пожевать. Мужчина справа помог достать из кармана семена и только тут обратил внимание на то, что Маруха сидит в обнимку с сумкой. Сумку у нее отняли, но семена пожевать разрешили. Маруха попыталась разглядеть похитителей, но в машине было темно.

– Кто вы? – осмелилась спросить она.

Человек с мобильным телефоном тихо ответил:

– Мы из М-19.

Это была чушь, потому что движение М-19 уже вышло из подполья и даже участвовало в выборах, намереваясь войти в Конституционную Ассамблею.

– Я серьезно, – сказала Маруха. – Вы наркомафия или партизаны?

– Партизаны, – сказал тот, что сидел впереди. – Но не волнуйтесь, мы просто хотим, чтобы вы передали письмо. Я не шучу.

В этот момент они подъезжали к полицейскому кордону, и он, оборвав себя на полуслове, велел положить Маруху на пол. А ей сказал:

– Сейчас молчите и не шевелитесь, а то мы вас уьем.

Марухе в бок ткнулось дуло пистолета, и бандит, сидевший рядом, пояснил:

– Если что – стреляю.

Десять минут показались вечностью. Маруха старалась собраться с силами, тщательно пережевывая семена кардамона и постепенно приободряясь. Но, лежа на полу, она ничего не видела и даже толком не расслышала, о чем ее похитители говорили с полицией и говорили ли вообще. У Марухи создалось впечатление, что их пропустили без вопросов. Первоначаль-

ные догадки, что машина двигалась в сторону Ла Калеры, переросли в уверенность, и Маруха вздохнула с некоторым облегчением. Она не пыталась приподняться с пола: так ехать было удобнее, чем уткнувшись лицом в мужские колени. Автомобиль немного проехал по глинистой дороге и минут через пять остановился. Человек с телефоном сказал:

– Приехали.

На улице была кромешная тьма. Марухе накрыли голову курткой и заставили выйти, согнувшись в три погибели, так что она видела только собственные ноги, шагавшие сперва по внутреннему дворику, а затем, судя по всему, по кафельным плиткам кухни. Когда куртку сняли, Маруха обнаружила, что ее завели в комнатенку площадью два на три метра; на полу лежал матрас, на потолке горела красная лампочка. В следующую минуту в каморку зашли двое в масках, похожих на альпинистские шапки; на самом деле это были тренировочные штанины с двумя дырками для глаз и одной для рта. С этого момента в течение всего плена Маруха не видела лиц своих тюремщиков.

Однако она поняла, что в комнату вошли не те, кто ее похитил. Одежда их была старой и грязной, ростом они не вышли: у Марухи рост – метр семьдесят пять, а они были явно ниже. Голоса звучали молодо, фигуры были юношеские. Один из парней велел Марухе снять украшения и отдать ему.

– Это для безопасности, – пояснил он. – Ничего с ними не будет.

Маруха отдала колечко с изумрудами и крошечными бриллиантками, а серьги отдавать не стала.

Беатрис, которую везли в другом автомобиле, не смогла составить даже приблизительного представления о том, куда они едут. Она все время лежала на полу и не помнила, что они поднимались круто в гору, как бывает, когда едешь к Ла Калере, или проезжали полицейский кордон; хотя, возможно, такси пропускались через этот кордон без остановки. В машине царил жуткая нервозность, потому что дорога была забита. Водитель кричал в телефон, что он не может ехать по крышам других автомобилей, спрашивал, как быть, чем еще сильнее нервировал подельников, ехавших впереди, и они отдавали сбивчивые, противоречивые распоряжения.

Беатрис лежала очень неудобно, подогнув ногу; вонь, исходившая от куртки, довела ее до полубоморочного состояния. Она попыталась сменить положение. Парень, стороживший ее, решил, что она хочет оказать сопротивление, и постарался ее утихомирить.

– Ну-ну, крошка, веди себя хорошо, и ничего с тобой не будет, – приговаривал он.

Когда наконец до него дошло, что у Беатрис просто затекла нога, он помог ее выпрямить и стал обращаться с ней повежливее. Самым невыносимым для Беатрис было то, что он называл ее крошкой, от такой бесцеремонности ее тошнило еще больше, чем от запаха куртки. Чем усерднее бандит ее успокаивал, тем больше она убеждалась в том, что ее собираются убить. По ее прикидкам, в дороге они провели минут сорок, так что к дому машина подъехала примерно без пятнадцати восемь.

Беатрис вывели из машины точно так же, как и Маруху: набросили на голову вонючую куртку и повели за руку, предупредив, чтобы она смотрела только под ноги. Поэтому и видела она то же самое: патио, кафельный пол, две лестничные ступеньки в конце. Беатрис велели повернуть налево и сняли куртку с головы. В комнате на табуретке сидела Маруха, в красном свете лампочки лицо ее казалось мертвенно-бледным.

– Беатрис! – ахнула Маруха. – И ты здесь!

Маруха не знала, что произошло с золовкой, но полагала, что ее отпустили, поскольку она была абсолютна ни к чему не причастна. А увидев ее, безмерно обрадовалась, что она теперь не одна, и в то же время страшно расстроилась из-за того, что Беатрис тоже похитили. Они обнялись, словно не виделись целую вечность.

Уму непостижимо, как они будут жить в этой жуткой комнатенке, спать на полу, на одном матрасе, в присутствии двух охранников в масках, которые ни на секунду не спускают с них глаз...

Внезапно в комнате появился третий человек в маске, элегантный, плотного телосложения, ростом не меньше метра восьмидесяти. Охранники называли его Доктором. Он держался как большой начальник и сразу взял руководство в свои руки. У Беатрис сняли с левой руки кольца, но не заметили золотой цепочки с образком Девы Марии.

– Это военная операция, вам ничто не угрожает, – сказал Доктор и еще раз заверил: – Мы просто хотим передать через вас обращение к правительству.

– В чьих мы руках? – спросила Маруха.

Доктор пожал плечами:

– Сейчас это не важно. – Он продемонстрировал женщинам оружие и продолжил: – Хочу вас предупредить. Это автомат с глушителем. Никто не знает, где вы и с кем. Не вздумайте кричать или что-нибудь вытворить! В следующий миг вас не будет, и никто о вас ничего не узнает.

Пленницы затаили дыхание, готовясь к самому худшему, но командир вдруг прекратил им угрожать и сказал, обращаясь к Беатрис:

– Мы вас сейчас уведем, но скоро отпустим. Вас захватили по ошибке.

Беатрис не колебалась ни секунды.

– О нет! – решительно воскликнула она. – Я останусь с Марухой.

Ее смелость и благородство произвели впечатление даже на похитителя.

– Какая у вас верная подруга, сеньора, – сказал он Марухе без тени иронии.

Маруха в полном смятении кивнула и поблагодарила Беатрис. Доктор спросил, хотят ли они есть. Обе отказались, но попросили воды, потому что во рту пересохло. Им принесли прохладительные напитки. Маруха, заядлая курильщица, всегда имевшая под рукой пачку сигарет и зажигалку, в дороге оказалась без курева. Она попросила вернуть ей сумку, в которой лежали сигареты, но Доктор протянул ей одну из своей пачки.

Обе женщины попросились в туалет. Беатрис конвоировали первой, накинув на голову рваную, грязную тряпку. Приказ был смотреть только вниз. Ее довели за руку по узкому коридору до крошечного туалета, находившегося в жутком состоянии; маленькое окошко грустно выглядывало в ночь. Дверь изнутри не запиралась, однако закрывалась достаточно плотно, поэтому Беатрис встала ногами на унитаз и посмотрела в окно. В тусклом свете фонаря ей удалось разглядеть лишь маленький глинобитный домик с красной черепичной крышей и лужайкой перед входом; в здешних краях таких домиков полно.

Вернувшись в комнату, она обнаружила, что ситуация в корне изменилась.

– Мы узнали, кто вы. Нам это тоже подходит, – заявил Доктор. – Так что вы остаетесь.

Они узнали о ней по радио: в новостях только что сообщили о похищении.

Журналист Эдуардо Каррильо, освещавший на «Радио Кадена насьональ» факты нарушения общественного порядка, что-то обсуждал со своим информатором в военных кругах, когда тому вдруг позвонили и сообщили о похищении. В следующую минуту новость, без подробностей, уже передали по радио. Таким образом похитители установили личность Беатрис.

Еще по радио сказали, что водитель такси, с которым столкнулись похитители, успел запомнить две цифры номера и в общих чертах описал, как выглядит их автомобиль. Поэтому полиции известно, в каком направлении скрылись преступники. Значит, нужно было срочно сниматься с места и менять убежище. Мало того, пленниц собирались везти на другой машине, в багажнике!

Протесты не подействовали: похитители были напуганы не меньше своих жертв и не скрывали этого. Маруха попросила глоток медицинского спирта: она боялась, что они в багажнике задохнутся.

– Нет тут никакого спирта! – отрезал Доктор. – Ничего не поделаешь, придется ехать в багажнике. Поторапливайтесь!

Их заставили разуться и нести обувь в руках, снова накрыли головы тряпками и провели по дому к гаражу. Там тряпки сняли и, не применяя физической силы, велели лечь в багажник, свернувшись калачиком. Места оказалось достаточно, воздуха тоже хватало, потому что с крышки сняли резиновые уплотнители. Перед тем как захлопнуть багажник, Доктор хорошенько их припугнул:

– Мы везем десять кило динамита. Не вздумайте кричать, кашлять, плакать и вообще издавать какие-либо звуки. Мы тут же выйдем из машины и взорвем ее.

К превеликому облегчению и удивлению женщин, в багажник проникал свежий, чистый воздух; казалось, там включен кондиционер. Ощущение удушья прошло, осталось только беспокойство. Маруха погрузилась в себя; со стороны могло показаться, что она впала в полнейшее уныние, но на самом деле это был ее чудодейственный способ преодолеть тревогу. Беатрис, наоборот, распирало любопытство, и она выглядывала в щель, зияющую в крышке плохо подогнанного багажника. В зеркале заднего вида ей удалось разглядеть пассажиров: рядом с водителем сидела женщина с длинными волосами, державшая на коленях двухлетнего малыша, за ними сидели двое мужчин. Справа мелькнули желтые огоньки большой световой рекламы известного торгового центра. У Беатрис не осталось сомнений: их довольно долго везли по хорошо освещенному северному шоссе, а затем машина свернула на грунтовую дорогу, и все вокруг погрузилось в кромешную темноту, так что водителю пришлось снизить скорость. Минут через пятнадцать машина остановилась.

Вероятно, это был еще один контрольно-пропускной пункт. Снаружи доносились какие-то голоса, шум моторов, звуки музыки, но что-либо разглядеть в такой густой темноте Беатрис не смогла. Маруха встрепелась и прислушалась, надеясь, что на КПП водителя заставят открыть багажник. Но через пять минут машина тронулась с места и поехала в гору: куда именно, на сей раз понять не удалось. Спустя еще десять минут машина остановилась и багажник открыли. Пленницам снова набросили что-то на голову и помогли выбраться в потемках наружу.

Похитители, как и в прошлый раз, велели глядеть в пол и провели их по коридору, миновали гостиную, в которой шепотом разговаривали какие-то люди, и наконец довели до комнаты. Перед входом Доктор предупредил:

– Сейчас встретитесь с одной своей знакомой.

В комнате был такой полумрак, что глаза не сразу привыкли. Комнатенка опять была крохотная, единственное окошко закрыто ставнями. Сидя на матрасе, брошенном на пол, двое парней в масках, очень похожие на тех, что остались в первом доме, пялились в телевизор. Атмосфера была давяще мрачной. В углу, слева от двери, на узкой кровати с железной спинкой сидела призрачная женщина с седыми, тусклыми волосами. Страшно исхудавшая, с застывшим взглядом. На их появление она никак не прореагировала: ни взглядом, ни вздохом. Труп – и тот, пожалуй, выглядел бы живее. Маруха не сразу пришла в себя от неожиданности.

– Марина! – прошептала она.

Перед ними была Марина Монтойя, похищенная почти два месяца назад. Ее считали погибшей. Дон Герман Монтойя, Маринин брат, во время правления Вирхилио Барко¹ возглавлял секретариат президента и имел большие полномочия. Его сына Альваро Диего, который работал управляющим в крупной страховой компании, похитила наркомафия, чтобы вынудить правительство пойти на переговоры. По слухам, так никогда и не подтвержденным, его вскоре освободили, поскольку правительство дало какие-то секретные обещания, но потом их

¹ Вирхилио Барко Варгас (1921–1997) – президент Колумбии с 1986 по 1990 г. Член Колумбийской либеральной партии. – *Здесь и далее примеч. пер.*

не выполнило. И когда спустя девять месяцев мафия похитила Марину, тетю Альваро, это было воспринято как подлая месть, ведь торговаться тогда уже было не с кем. Барко ушел с поста президента, Германа Монтойю назначили послом в Канаду. Поэтому все решили, что Марину похитили, просто чтобы убить.

Скандал, вызванный похищением, всколыхнул общественное мнение и внутри страны, и за рубежом, однако через некоторое время имя Марины исчезло со страниц газет. Маруха и Беатрис были прекрасно знакомы с Мариной, но сейчас узнали ее с трудом. То, что их привели к Марине в комнату, обе сразу восприняли вполне определенным образом: как помещение в камеру смертников. Марина не шелохнулась. Маруха схватила ее за руку и содрогнулась. Рука Марины была абсолютно безжизненной и не реагировала на прикосновения.

Из ступора их вывели звуки музыкальной заставки перед программой теленовостей. Новость о похищении вышла в телеэфир в 21 час 30 минут 7 ноября 1990 года. За полчаса до этого журналист Эрнан Эступиньян, сотрудник отдела национальных новостей, узнал о похищении от своего друга из «Фосине» и поспешил на место происшествия. Эрнан еще только возвращался на работу, собираясь сообщить подробности похищения, а режиссер и ведущий программы Хавьер Айала уже вышел в эфир с экстренным сообщением: «Генеральный директор «Фосине» донья Маруха Пачон де Вильямисар, супруга известного политика Альберто Вильямисара, а также его сестра Беатрис Вильямисар де Герреро были похищены сегодня в 19.30». Цель похищения выглядела очевидной: Маруха была сестрой Глории Пачон, вдовы Луиса Карлоса Галана, который в 1979 году, будучи еще довольно молодым журналистом, основал движение «Новый либерализм», чтобы обновить и модернизировать загнивающую либеральную партию. И это движение начало самым серьезным и решительным образом бороться с наркоторговлей, в частности выступая за экстрадицию своих граждан.

Глава 2

Первым из родственников о похищении узнал доктор Педро Герреро, муж Беатрис. Он в это время находился в Центре психотерапии и сексологии – примерно в десяти кварталах от места происшествия, – где читал лекцию об эволюции в животном мире, о том, какой путь пройден от примитивных реакций одноклеточных до человеческих чувств и эмоций. Речь его прервал телефонный звонок: полицейский казенным тоном осведомился, знаком ли он с Беатрис Вильямисар.

– Разумеется, – ответил доктор Герреро. – Это моя жена.

Полицейский немного помолчал и произнес уже более человечно:

– Хорошо. Вы, главное, не беспокойтесь.

Тут даже не такой заслуженный психиатр, как доктор Герреро, сообразил бы, что дело худо.

– Что случилось? – спросил он.

– На перекрестке 5-й автострады и Восемьдесят пятой улицы убили водителя, – ответил полицейский. – Светло-серый «Рено-21», номерной знак Боготы «ПС-2034». Вам знаком этот номер?

– Понятия не имею! – нетерпеливо воскликнул доктор Герреро. – Вы мне скажите, что с Беатрис!

– Пока понятно только, что она исчезла, – ответил офицер полиции. – На заднем сиденье нашли ее сумку, а в ней – записную книжку. Там написано, что в экстренных случаях надо звонить вам.

Сомнений не было. Доктор Герреро сам посоветовал жене указать его координаты в записной книжке. Он, правда, не помнил номер Марухиной машины, но, судя по описанию, это была она. Преступление совершили в двух шагах от Марухино дома, у которого водитель обычно останавливался, высаживая хозяйку, а затем уже отвозил Беатрис. Доктор Герреро прервал лекцию, впопыхах объяснив причину, и хотя был вечерний час пик, уже через пятнадцать минут уролог Алонсо Акунья ухитрился доставить своего друга на место похищения.

Альберто Вильямисар, муж Марухи Пачон и брат Беатрис, находился всего лишь в двухстах метрах от места происшествия, но не подозревал о случившемся, пока ему не позвонил по внутреннему телефону портье. Альберто вернулся домой в четыре, проведя целый день в газете «Тьемпо», где занимался подготовкой выборов в Конституционную Ассамблею, которые предстояли в декабре; накануне он так утомился, что, придя домой, заснул, даже не раздеваясь. Около семи пришел его сын Андрес, а с ним – Габриэль, сын Беатрис, они с детства были не разлей вода. Андрес сунулся в спальню, ища мать, и разбудил Альберто. Тот удивился, что уже темно, зажег свет и в полудреме посмотрел на часы. Они показывали семь. Маруха еще не вернулась.

Это было странно. Они с Беатрис всегда возвращались раньше, какие бы ни были пробки на дорогах, а если вдруг почему-то задерживались, всегда звонили. Кроме того, Маруха договорилась с Альберто встретиться дома в пять. Встревоженный Альберто попросил Андреса позвонить в «Фосине», и охранник сказал, что они вышли чуть позднее обычного. Значит, сейчас приедут. Но когда Вильямисар пошел на кухню попить воды, раздался телефонный звонок. Андрес взял трубку. Альберто понял по его голосу, что стряслась беда. И правда: на углу улицы что-то случилось с машиной. Похоже, это машина Марухи. Портье сам толком не знал, что произошло.

Альберто велел Андресу оставаться дома на случай, если кто-нибудь вдруг позвонит, и выбежал из квартиры. Габриэль кинулся за ним. Лифт оказался занят, и они, вне себя от волнения, не стали его дожидаться, а помчались по ступенькам вниз.

– Похоже, там кого-то убили! – крикнул им вслед портье.

Улица была запружена народом, как во время праздничного гулянья. Соседи высовывались из окон жилых домов, на Окружной дороге образовалась пробка, водители возмущались, жали на гудки. На перекрестке полицейский патруль отгонял зевак от брошенного автомобиля. Вильямисара удивило, что доктор Герреро оказался на месте происшествия раньше его.

Действительно, это была машина Марухи. С момента похищения прошло как минимум полчаса, похитителей след простыл, остались только улики: пробитое пулей стекло со стороны водителя, пятно крови и осколки стекла на сиденье, а также влажное пятно на асфальте, с которого шофера подняли еще живым. В остальном вокруг была чистота и порядок.

Энергичный, подтянутый полицейский сообщил Вильямисару подробности похищения, которые удалось узнать у немногочисленных свидетелей. Показания были обрывочными и нечеткими, порой даже противоречивыми, но в том, что произошло похищение и что ранили только шофера, сомнений не было. Альберто допытывался, удалось ли у него выяснить что-нибудь, позволяющее напасть на след преступников, но оказалось, что это невозможно: шофер был в коме, никто не знал, куда его увезли.

Доктор Герреро, наоборот, впал от шока в состояние анабиоза и, похоже, не понимал всей серьезности происходящего. Он мгновенно опознал сумку Беатрис, ее косметичку, записную книжку, удостоверение личности в кожаной обложке, бумажник, в котором лежало двенадцать тысяч песо, и кредитную карточку. И пришел к выводу, что похитили только его жену.

– Видишь, Марухиной сумки тут нет, – сказал он Альберто. – Вероятно, Марухи в машине не было.

А может быть, доктор как профессиональный психиатр пытался его отвлечь, чтобы они оба могли немного оправиться от перенесенного удара. Но Альберто его не слушал. В данный момент для него было важнее всего убедиться в том, что кровь, обнаруженная в машине и возле нее, – это только кровь водителя, а пассажирки не ранены. Остальное казалось ему совершенно ясным, и его захлестывало чувство вины: как же он не предусмотрел, что такое может произойти?.. Он был абсолютно уверен в том, что таким образом пытались отомстить ему. И знал, кто это сделал и почему.

Альберто уже пошел в сторону дома, когда по радио, прервав программу, сообщили, что шофер Марухи умер в частном автомобиле, который вез его в больницу «Кантри». Вскоре на место происшествия приехал журналист Гильермо Франко, заведующий редакцией криминальной хроники на радио «Караколь». Услышав о стрельбе, он кинулся туда, но застал на месте только брошенный автомобиль. Гильермо подобрал с шоферского сиденья несколько осколков стекла и окровавленный клочок сигаретной бумаги и положил их в прозрачную коробочку, на которой были написаны номер и дата. Коробочка в тот же вечер пополнила богатую коллекцию криминальных трофеев, которую Франко собрал за годы работы в отделе.

Полицейский проводил Вильямисара до дома, расспрашивая о том, что, по его мнению, могло бы помочь следствию, однако Альберто отвечал рассеянно, думая лишь о том, какие томительно долгие, тяжелые дни ждут его впереди. Прежде всего нужно отдать распоряжения Андресу. Пусть занимается людьми, которые будут к ним приходить, а ему нужно срочно сделать несколько телефонных звонков и собраться с мыслями. Альберто удалился в спальню и позвонил в президентский дворец.

У него были прекрасные отношения с президентом Сесаром Гавирией, не только на политическом, но и на личном уровне. Президент считал Вильямисара человеком импульсивным, но добродушным и думал, что он даже в самых тяжелых обстоятельствах способен сохранять хладнокровие. Поэтому Гавирия был изумлен, когда Альберто, с трудом сдерживаясь, сухо сообщил, что его жену и сестру похитили, и добавил без обиняков:

– Вы в ответе за их жизнь.

Сесар Гавирия умел, когда надо, проявить жесткость. Сейчас как раз был такой случай.

– Я вам так скажу, Альберто, – лаконично ответил он, – мы сделаем все необходимое.

И так же холодно добавил, что немедленно поручит заняться этим своему советнику по безопасности Рафаэлю Пардо Руэде, который будет постоянно держать его в курсе происходящего. Развитие событий подтвердило, что решение было правильным.

Журналисты валом повалили в дом Вильямисара. Альберто знал, что тем заложникам, которых захватывали раньше, было позволено слушать радио и смотреть телевизор. Поэтому он выступил с обращением, в котором потребовал уважения к Марухе и Беатрис, заявив, что эти две достойнейшие женщины не имеют никакой связи с политикой и что отныне он посвятит все свое время и силы их освобождению.

Одним из первых к Вильямисару приехал генерал Мигель Маса Маркес, директор Государственного департамента безопасности, проводившего официальные расследования в случае похищения людей. Генерал заступил на этот пост семь лет назад, еще при Белисарио Бетанкуре; затем продолжал работать при Вирхилио Барко, а недавно и новый президент, Сесар Гавирия, подтвердил его полномочия. Это была беспрецедентная живучесть, ведь на таком посту на тебя валятся все шишки, тем более в тяжелейшие времена, когда государство объявило войну наркомафии. Среднего роста, крепкий, словно отлитый из стали, с бычьей шеей, какая часто бывает у военных, генерал был молчуном, но в кругу друзей отводил душу: короче, это была истинно крестьянская натура. Впрочем, что касается работы, то тут он всегда придерживался четкой линии, без нюансов. Война с наркомафией была для него личным делом, и воевал он с Пабло Эскобаром не на жизнь, а на смерть. Тот отвечал ему тем же. Эскобар израсходовал две тысячи шестьсот килограммов динамита, устроив одно за другим два покушения на генерала Масу. Такого больше не достаивался ни один из врагов наркобарона. Маса Маркес оба раза остался цел и невредим, он приписывал свое спасение Младенцу Христу. Эскобар, кстати, тоже считал чудом Богомладенца тот факт, что Маса Маркес до сих пор его не убил.

Президент Гавирия всегда настаивал на том, чтобы вооруженные силы не предпринимали попыток освободить заложников без предварительной договоренности с их родственниками. Однако на политической кухне много судачили о том, что между президентом и генералом Масой существуют серьезные разногласия по данному поводу. Вильямисар решил подстраховаться.

– Хочу сразу предупредить: я против силовых операций, – сказал он генералу Маса. – Дайте мне гарантию, что их не будет. А если вдруг возникнут идеи на эту тему, то вы обязательно посоветуетесь со мной.

Маса Маркес согласился. А в конце долгого, весьма информативного разговора приказал поставить телефон Вильямисара на прослушивание: на случай если вдруг похитители попытаются связаться с ним ночью.

В тот же вечер Рафаэль Пардо сообщил Вильямисару, что президент назначил его посредником между правительством и родственниками заложниц. Соответственно только он уполномочен делать официальные заявления по поводу происходящего. Оба понимали, что похищение Марухи – хитрый ход наркомафии, которая рассчитывает надавить на правительство через сестру Марухи Глорию Пачон. И решили не строить больше домыслов, а перейти к действиям.

Колумбия не подозревала о том, какое важное место она занимает в мировом наркотрафике, пока наркобароны не вошли в большую политику через заднюю дверь: сперва приобретая все большее могущество благодаря коррупции, а затем решив напрямую удовлетворить свои политические амбиции. В 1982 году Пабло Эскобар предпринял попытку внедриться в движение Луиса Карлоса Галана, но тот вычеркнул его из партийных списков и разоблачил во время пятитысячной демонстрации в Медельине. Эскобар, правда, все равно вошел в палату представителей, заняв освободившуюся вакансию в крайнем крыле правящей либеральной партии. Но обиды не забыл и развязал против государства смертельную войну. Особенно ненавистно было ему движение «Новый либерализм». Представитель этого движения Родриго Лара Бонилья,

назначенный министром юстиции в правление Белисарио Бетанкура, был застрелен на улице Боготы наемным убийцей-мотоциклистом. Его преемника Энрике Парехо киллер преследовал аж до Будапешта и там все-таки выстрелил в него в упор, но убить не смог. 18 августа 1989 года Луис Карлос Галан, которого охраняли восемнадцать телохранителей, был расстрелян из автомата на площади городка Соача, в десяти километрах от президентского дворца.

В основном война была развязана из-за того, что наркоторговцы страшно боялись экстрадиции в Соединенные Штаты Америки, где их судили бы за преступления, совершенные на американской территории, и дали бы гигантские тюремные сроки. Так, колумбийского наркоторговца Карлоса Лейдера, выданного в США в 1987 году, посадили на сто тридцать лет! Экстрадиция стала возможной благодаря договору, заключенному в правление Хулио Сесара Турбая, впервые разрешившего выдачу колумбийских граждан другим государствам. Президент Белисарио Бетанкур прибегнул к экстрадиции нескольких преступников после убийства Лары Бонильо. Наркомафия пришла в ужас от того, что у Америки такие длинные руки, и сообразила, что надежнее Колумбии для нее места нет, лучше скрываться в собственной стране, чем за рубежом. Юмор ситуации заключался в том, что для спасения собственной шкуры бандитам приходилось искать помощи у государства. Они и попытались ее получить не мытьем, так катаньем: с одной стороны, устроили беспощадный террор, нападая на всех без разбору, а с другой – заявили о своей готовности сдать правосудию, вернуть в страну капиталы и вложить их в национальную экономику, лишь бы избежать экстрадиции в США. А надо сказать, что наркбароны уже представляли собой вполне реальную, хотя и теневую власть. В народе их прозвали Невыдаванцами, а девизом для них служили слова Эскобара: «Лучше могила в Колумбии, чем камера в Америке».

Бетанкур вступил в войну с наркомафией. Его преемник Вирхилио Барко вел ее еще более ожесточенно. Вот какой была ситуация, когда в 1989 году Сесар Гавирия, руководивший избирательной кампанией Луиса Карлоса Галана, стал кандидатом в президенты после его гибели. В ходе своей избирательной кампании Гавирия защищал принцип экстрадиции как совершенно необходимый механизм укрепления законности и объявил о своей готовности применить новаторскую стратегию в борьбе с наркоторговлей. Идея была проста: те, кто отдастся в руки правосудия и сознается в преступлениях (хотя бы в некоторых!), взамен получат возможность отсидеть срок на родине. Однако Невыдаванцы остались не удовлетворены формулировкой указа. Эскобар требовал через адвокатов безусловного отказа от экстрадиции и настаивал на том, чтобы признание вины и выдача сообщников не были обязательными. Кроме того, Эскобар добивался гарантий безопасности как для заключенных в тюрьме, так и для их родственников и приверженцев на свободе. Пытаясь террором и одновременно переговорами выкрутить руки правительству, он устроил целую серию похищений журналистов. За два месяца были похищены восемь человек. Так что исчезновение Марухи и Беатрис, судя по всему, являлось очередным витком злой эскалации насилия.

Вильямисар почувствовал это сразу, едва увидев пробитый пулей автомобиль. А чуть позже, когда в дом хлынул народ, он уже не сомневался, что именно от него, от его усилий теперь зависит жизнь жены и сестры. Эскобар еще откровеннее, чем раньше, бросил вызов лично ему. Это была дуэль, от которой Вильямисар не мог уклониться.

Вообще-то его уже могло и не быть в живых. В 1985 году, когда никаких законов против наркомафии еще не было, а при объявлении чрезвычайного положения издавались лишь отдельные, разрозненные декреты, Вильямисар, будучи членом парламента, добился принятия Положения о наркотических препаратах. Позднее Луис Карлос Галан подсказал ему, как воспрепятствовать принятию проекта закона, который дружки Эскобара пытались протолкнуть через парламент, чтобы действующее соглашение об экстрадиции стало нелегитимным. Таким образом, Вильямисар подписал себе смертный приговор. 22 октября 1986 года два киллера в спортивных костюмах притворялись, что занимаются физкультурой перед его домом. И когда

Альберто сел в автомобиль, выпустили в него две автоматные очереди. Он чудом уцелел. Одного из бандитов убила полиция, а его сообщников арестовали и через пару лет выпустили на свободу. Заказчик остался безнаказанным, но в том, кто он такой, этот заказчик, сомнений не было.

Галан уговорил Вильямисара на время покинуть Колумбию, и Альберто назначили послом в Индонезию. Через год его пребывания там американские спецслужбы поймали в Сингапуре колумбийского киллера, направлявшегося в Джакарту. Правда, цель его поездки так и осталась неясной, однако удалось установить, что в Штатах он считался умершим: свидетельство о смерти оказалось поддельным.

В тот вечер, когда похитили Маруху и Беатрис, в доме Вильямисара яблоку негде было упасть. Пришло много политиков, члены правительства, родственники похищенных. Владелица художественного салона и близкая подруга четы Вильямисаров, Асенет Веласкес – она живет в квартире над ними, – была за хозяйку. Не хватало только музыки, чтобы столпотворение в доме Альберто выглядело как обычная вечеринка в конце рабочей недели. Это неизбежно: если в Колумбии собирается больше шести человек, то, кто бы они ни были и в какое бы время ни собрались, это всегда заканчивается весельем и танцами.

К тому времени разбросанную по миру родню уже оповестили о случившемся. Александра, дочь Марухи от первого брака, находилась на далеком полуострове Гуахира, в городе Майкао и как раз доедала свой ужин в ресторане, когда Хавьер Айала сообщил о похищении. Александра вела популярную телепередачу «Угол зрения», выходящую по средам, и приехала накануне, намереваясь взять несколько интервью. Она побежала в отель, чтобы связаться с семьей, но домашний телефон был занят. Благодаря счастливому совпадению пару дней назад, в среду, она интервьюировала психиатра, который занимался лечением психических расстройств, вызванных пребыванием в тюрьме строгого режима. Услышав в Майкао известие о похищении, она подумала, что такая терапия может быть полезна и для заложниц, и вернулась в Боготу, собираясь поскорее воплотить свою идею в жизнь.

Глорию Пачон, сестру Марухи, представлявшую в те годы Колумбию в ЮНЕСКО, Вильямисар разбудил в два часа ночи по телефону словами: «У меня ужасные новости». Хуана, дочка Марухи, проводившая каникулы в Париже, спала в соседней комнате и узнала о трагедии буквально через пару минут. Николас, двадцатисемилетний музыкант и композитор, проснулся от телефонного звонка в Нью-Йорке.

В два часа ночи доктор Герреро и его сын Габриэль отправились к сенатору Диего Монтанье Куэльяру, председателю Патриотического союза, образованного при Компартии, и члену группы Почетных граждан, которую создали для переговоров между правительством и похитителями Альваро Диего Монтойи. Сенатор выглядел усталым и подавленным. О похищении он узнал из вечернего выпуска новостей, и на него это подействовало угнетающе. Герреро просил лишь об одном: чтобы Диего выступил посредником в переговорах с Пабло Эскобаром и убедил отпустить Беатрис, а взамен предлагал взять в заложники себя. Монтанья Куэльяр ответил в типичной для него манере:

– Не будь дураком, Педро, в этой стране все безнадежно.

Доктор Герреро вернулся домой на рассвете, но заснуть даже не попытался. Его снедала тревога. Около шести позвонил Ямид Алат, главный редактор выпуска новостей на радио «Караколь»; доктор Герреро, находившийся в ужасном расположении духа, наговорил в эфире много такого, что можно было расценить как безрассудный вызов похитителям.

Вильямисар, тоже не сомкнувший глаз, принял душ, оделся и в половине седьмого утра поехал к министру юстиции Хайме Хиральдо Анхелю, который поведал ему, как продвигается борьба с терроризмом наркоторговцев. Вильямисар вышел от министра, осознав, что борьба предстоит долгая и трудная, но был благодарен за двухчасовые объяснения, поскольку давно отстал от жизни и не представлял себе, как обстоят дела на этом фронте.

Про завтрак и обед он позабыл. Ближе к вечеру, проведя день в пустых хлопотах, он тоже встретился с Диего Монтаньей Куэльяр, и тот в очередной раз поразил его своей откровенностью.

– Попомни мои слова: это надолго, – сказал Диего. – По крайней мере до июня. Пока не пройдут выборы в Конституционную Ассамблею, Маруха и Беатрис будут для Эскобара разменной монетой в переговорах об экстрадиции.

Многим не нравилось, что Монтанья Куэльяр, входивший в группу Почетных граждан, не считал нужным скрывать перед прессой свой пессимизм.

– Да в гробу я видал эту группу! – не скупясь на выражения, заявил он Вильямисару. – Наша роль там абсолютно дурацкая.

В итоге Вильямисар вернулся домой выжатый как лимон, с ощущением, что он один на белом свете. Выпив залпом две рюмки виски, он впал в полную прострацию. В шесть часов его сын Андрес, который стал с того дня его единственной опорой, уговорил отца поужинать. Когда они сидели за столом, позвонил президент.

– Вот что, Альберто, – произнес он, стараясь говорить как можно дружелюбнее, – приезжайте сейчас ко мне, поговорим.

Президент Гавирия принял Вильямисара в семь часов вечера в библиотеке, в личных покоях президентского дворца, где он проживал уже три месяца с супругой Анной Миленой Муньос и двумя детьми, одиннадцатилетним Симоном и восьмилетней Марией Пас. Комнатка была небольшой, но уютной, рядом располагалась оранжерея, в которой произрастали яркие цветы, а по стенам стояли деревянные шкафы, ломившиеся от всяких официальных изданий и альбомов с семейными фотографиями. В комнате имелся и небольшой музыкальный центр с коллекцией любимых дисков: «Битлз», «Джетро Талл», Хуан Луис Герра, Бетховен, Бах... После утомительного рабочего дня президент именно здесь проводил неофициальные встречи или отдыхал в кругу друзей, потягивая виски.

Гавирия тепло приветствовал Вильямисара; тон его выражал сочувствие и понимание, но при этом беседа не лишена была суровой откровенности. Впрочем, Вильямисар к тому времени уже воспринимал все гораздо спокойнее, поскольку оправился от первого удара и собрал достаточно информации, чтобы понять: президент мало чем может ему помочь. Оба были уверены в том, что похищение Марухи и Беатрис преследует политические цели, и без обращения к гадалкам знали, что автор преступления – Пабло Эскобар.

– Но то, что мы знаем, это еще полдела, – сказал Гавирия. – Для безопасности заложниц главное – добиться, чтобы это признал Эскобар.

Вильямисар с первого же мгновения понял, что президент не выйдет за рамки Конституции, не будет ради него нарушать закон и не отменит разыскных мероприятий, которые должны проводить военные. Но с другой стороны, он и не предпримет попыток освободить заложниц без согласия их родственников.

– Такова наша политика, – подытожил президент.

Больше говорить было не о чем. Когда Вильямисар покинул президентский дворец, с момента похищения прошли целые сутки; будущее тонуло в тумане, но, во всяком случае, он знал, что правительство поддерживает его намерение провести частные переговоры об освобождении пленниц и предоставляет в его распоряжение Рафаэля Пардо. Хотя грубый реализм Диего Монтаньи Куэльяра внушал ему больше доверия.

В этой беспрецедентной череде похищений первое произошло 30 августа, без малого через три недели после заступления Сесара Гавирии на пост президента; жертвой похитителей стала проживавшая в Боготе Диана Турбай, главный редактор новостной телепрограммы «Криптон» и журнала «Ой пор ой», дочь бывшего президента и главного лидера либеральной партии Хулио Сесара Турбая. Вместе с ней похитили еще четверых членов съемочной группы: выпускающего редактора Асусену Лиевано, редактора Хуана Витту, операто-

ров Ричарда Бесерру и Орландо Асеведу, а также немецкого журналиста, обосновавшегося в Колумбии, Эро Бусса. В общей сложности шестерых.

Похитители заманили журналистов в ловушку под предлогом встречи с падре Мануэлем Пересом, верховным командующим Армии национального освобождения (АНО)². Немногочисленные люди, знавшие о приглашении на эту встречу, в один голос отговаривали Диану. В их числе были министр обороны, генерал Оскар Ботеро, и Рафаэль Пардо, которому президент объяснил, насколько рискованна такая поездка, и попросил передать это семейству Турбаев. Однако рассчитывать на то, что Диана откажется, мог лишь тот, кто ее совсем не знал. В действительности ее интересовало не столько интервью падре Мануэля, сколько сама возможность начать мирный диалог. Когда-то она втайне отправилась верхом на муле в район, контролируемый вооруженными отрядами самообороны: ей хотелось вступить с ними в переговоры и попытаться понять суть этого движения, понять как с политической, так и с журналистской точек зрения. Тогда ее инициативе не придали значения, результаты поездки так и не были обнародованы. Позднее она, несмотря на свою борьбу с М-19, подружилась с команданте Карлосом Писарро, к которому даже приезжала в лагерь, ища возможности мирного урегулирования конфликта. Тем, кто планировал заманить ее в западню, все это было, безусловно, известно. И они понимали, что в сложившихся обстоятельствах никакие причины, никакие препятствия, ничто на свете не может удержать Диану от попытки диалога с падре Пересом, одной из ключевых фигур, от которых зависел мир в стране.

Год назад такая встреча в последний момент почему-то сорвалась, но 30 августа в пять часов дня Диана и ее товарищи, никого не предупредив, уехали в потрепанном фургоне в сопровождении двух парней и одной девушки, которые выдали себя за посланцев руководства АНО. Вся поездка с первых же минут отправления из Боготы выглядела точно так же, как если бы ее действительно организовали повстанцы. Люди, сопровождавшие журналистов, либо и вправду были бойцами какого-то вооруженного отряда, либо когда-то участвовали в партизанском движении, либо просто очень хорошо усвоили инструкции, потому что ни в разговоре, ни в своем поведении не допустили ни одной оплошности, которая бы дала повод заподозрить обман.

В первый день они доехали до Онды, находящейся в четырехстах сорока шести километрах к западу от Боготы. Там их поджидали другие люди на двух более удобных машинах. Поужинав в придорожной таверне, куда в основном заглядывали погонщики вьючных животных, они двинулись дальше по опасной, едва различимой дороге под проливным дождем, но затем им пришлось остановиться и ждать до рассвета, пока дорогу расчистят после грандиозного обвала. В конце концов, усталые и невыспавшиеся, они приехали в одиннадцать утра на место, где их встретил конный патруль на пяти лошадях. После чего Диана с Асусеной еще четыре часа проехали верхом, а их товарищи прошли пешком, сперва по заросшему склону горы, затем по идиллически красивой долине с уютными домиками среди кофейных деревьев. Люди выглядывали в окна, кое-кто узнавал Диану и, выбежав на террасу, махал ей рукой. Хуан Витта считает, что их по пути видели человек пятьсот, никак не меньше. К вечеру они остановились в заброшенной усадьбе, где их встретил юноша, похожий на студента: он представился бойцом Армии национального освобождения, но о дальнейших планах не сказал ничего. Все явно пришли в замешательство. В полукилометре отсюда виднелась автострада, а за ней – город. Без сомнения, Медельин. А ведь эту территорию АНО не контролировала! «Хотя, может, – подумал Эро Бусс, – падре Перес решил специально устроить встречу там, где никто не ожидает его встретить».

² Армия национального освобождения – колумбийская леворадикальная террористическая организация, созданная в 1964 году, вторая по численности партизанская организация страны.

Спустя еще два часа они добрались до Копакабаны, городка, поглощенного разросшимся Медельином. Домик с белыми стенами и замшелой крышей, казалось, врос в нависающий над ним скалистый склон. Посередине располагалась гостиная, из которой во все стороны выходило по комнате. В одной стояли три кровати, на которые улеглись провожатые. В другой – одна двуспальная кровать и одна двухэтажная. Диане с Асусеной выделили самую лучшую комнату в глубине дома; судя по некоторым признакам, там и до них располагались женщины. Свет горел средь бела дня, потому что все окна были забиты досками.

Через три часа ожидания явился человек в маске; он поприветствовал журналистов от имени командования и объявил, что падре Перес их ждет, но для безопасности нужно сначала отвезти к нему женщин. Тут Диана впервые встревожилась. Дело в том, что Эро Бусс по секрету предупредил ее, чтобы она ни в коем случае не соглашалась на разделение группы. Видя, что избежать этого не удастся, Диана потихоньку дала ему свое удостоверение личности; у нее не было времени вдаваться в объяснения, зачем она это делает, но, насколько он понял, Диана хотела, чтобы у него остались какие-то улики – на случай если сама она исчезнет.

Женщин и Хуана Витту увезли еще до рассвета. Эро Бусс, Ричард Бесерра и Орlando Асеведа остались с пятью охранниками в комнате с двуспальной и двухэтажной кроватями. Подозрения, что их заманили в ловушку, росли с каждым часом. Вечером, играя в карты, Эро Бусс обратил внимание на роскошные часы одного из охранников.

– Неужели вы там, в АНО, уже доросли до уровня «Ролекса»? – съязвил он.

Охранник притворился, что не понял намека. Кроме того, Эро Бусса смутило, что у охранников было оружие, которое используется не партизанами, а для боев в городе. Орlando же, который обычно говорил мало, предпочитая занимать позицию стороннего наблюдателя, и безо всяких доказательств уже прозревал правду, настолько невыносимым было ощущение, что происходит нечто жуткое.

Впервые им пришлось сменить убежище в полночь, 10 сентября, когда охрана ворвалась в комнату с криками: «Полиция!» Два часа они в страшную грозу продирались сквозь лесную чащу и наконец добрались до дома, где находились Диана, Асусена и Хуан Витта. В просторной, прибранной комнате стоял телевизор с большим экраном; ничего такого, что могло бы возбудить какие-либо подозрения, не было. Журналисты даже не подозревали, что в ту ночь их могли спасти (правда, чисто случайно). Воспользовавшись кратковременной передышкой в новом убежище, они поспешили обменяться впечатлениями, поделиться мыслями и планами на будущее. Диана изливала душу Эро Буссу. Она была в отчаянии от того, что завела друзей в ловушку, и старалась отогнать от себя мучительные воспоминания о близких: муже, детях, родителях. Но ей это никак не удавалось.

Следующей ночью, когда ее с Асусеной и Хуаном Виттой вели пешком по ужасной дороге, под упорным дождем в третье убежище, Диана осознала, что им вообще все это время лгали. И новый, незнакомый охранник вскоре подтвердил это.

– Вы не с АНО имеете дело, а с Невыдаванцами, – сказал он. – Но не переживайте, ведь вы станете свидетелями исторических событий.

Через девятнадцать дней после таинственного исчезновения съемочной группы Дианы Турбай похитили Марину Монтойю. Когда Марина закрывала свой ресторан «У тетушек» на севере Боготы, ее схватили трое хорошо одетых мужчин, вооруженных девятимиллиметровыми пистолетами и автоматами «мини-узи» с глушителем. Ее сестре Лукреции, которая обычно помогала обслуживать посетителей, повезло: она подвернула ногу и не вышла в тот день на работу. Марина уже заперла дверь, как вдруг к ней постучались трое мужчин, двоих из них она узнала. Они несколько раз обедали у нее на прошлой неделе и произвели хорошее впечатление любезным обхождением, здоровым крестьянским юмором и щедрыми чаевыми, составлявшими тридцать процентов от суммы счета. Однако в тот вечер они повели себя иначе.

Как только Марина открыла дверь, ее скрутили и выволокли на улицу. Но она все-таки смогла схватиться одной рукой за фонарный столб и начала кричать. Тогда один из похитителей врезал ей коленом по позвоночнику, да так, что она потеряла сознание. В таком бессознательном состоянии ее запихнули в багажник синего «Мерседеса-190», в котором были предусмотрительно оставлены щели, чтобы жертва не задохнулась, и увезли.

Один из семи сыновей Марины, сорокавосемилетний Луис Гильермо Перес Монтойя, топ-менеджер колумбийского филиала фирмы «Кодак», считал, как и все прочие, что его мать похитили в отместку за то, что правительство не выполнило соглашения, которое когда-то заключил с Невыдаванцами Герман Монтойя. И поскольку Луис в принципе не доверял власти, то он решил попробовать освободить маму самостоятельно, вступив в непосредственные переговоры с Пабло Эскобаром.

Через два дня после похищения он, совсем не ориентируясь в ситуации, не наведя никаких предварительных «мостов», отправился в Медельин; что он там будет делать, Луис даже не представлял. В аэропорту он взял такси и велел шоферу ехать в город, не уточнив адрес. Реальность сама вышла к нему навстречу, когда он увидел на обочине труп ярко накрашенной пятнадцатилетней девушки в нарядном платье. Во лбу у нее была дырка от пули, струйка крови уже засохла. Луис Гильермо, не веря своим глазам, указал на труп пальцем:

– Смотрите, мертвая девушка!

– Ага, – не глядя, кивнул таксист. – Красотка повеселилась с друзьями дона Пабло.

Таким образом, лед был растоплен. Луис Гильермо признался, зачем приехал в Медельин, и таксист взялся ему помочь, заявив, что якобы знает, как можно встретиться с дочкой двоюродной сестры Пабло Эскобара.

– Приходи сегодня в восемь к церкви за рынком, – сказал он. – Там будет девушка, звать Росалия.

И действительно, девушка поджидала Луиса Гильермо, сидя на скамейке перед церковью. Она была юной, почти девочкой, но держалась и говорила уверенно, как зрелая, повидавшая виды женщина. Для начала девушка запросила полмиллиона песо наличными. Она показала Луису Гильермо гостиницу, куда ему следовало заселиться в следующий четверг. В пятницу, в семь утра или в семь вечера должен был раздаться телефонный звонок.

– Ту, что тебе позвонит, зовут Пита, – уточнила Росалия.

Луис Гильермо тщетно прождал два с половиной дня. Наконец до него дошло, что его надули, и он порадовался, что еще и Пита не вытянула из него деньги. Он держал случившееся в строжайшем секрете, так что даже жена узнала о его поездках и об их плачевном результате лишь четыре года спустя, когда Луис Гильермо впервые рассказал о них для этой книги.

Через четыре часа после похищения Марины Монтойи на одной из улочек района «Лас-Фериас», на востоке Боготы, джип и «Рено-18» зажали спереди и сзади автомобиль главного редактора газеты «Тьемпо» Франсиско Сантоса. С виду красный джип Сантоса выглядел совершенно обычно, но на самом деле был бронированным, и четверо нападавших прихватили с собой не только девятимиллиметровые пистолеты и «мини-узи» с глушителем, но и запаслись специальной кувалдой для битья стекол. Однако это не пригодилось. Неисправимый спорщик Пачо сам открыл дверь, чтобы поговорить с нападавшими.

– Мне проще было умереть, чем оставаться в неведении, что происходит, – потом объяснял он.

Один из похитителей приставил ко лбу Пачо пистолет и приказал выйти из машины, опустив голову. Другой открыл переднюю дверь и сделал три выстрела: одна пуля от ricochetнула от лобового стекла, а две другие пробили череп водителя, тридцативосьмилетнего Оромансио Ибаньеса. Пабло об этом не догадывался. Впоследствии, восстанавливая в памяти подробности нападения, он припомнил, что слышал слабые звуки выстрелов из пистолета с глушителем.

Операцию провели так молниеносно, что похищения человека никто не заметил, хотя произошло оно отнюдь не на безлюдной улице и не в выходной, а во вторник. Обнаружив окровавленный труп на заднем сиденье брошенного автомобиля, полицейский поднял оброненный телефон и тут же услышал в трубке голос, который звучал глухо, как из другой галактики:

– Аллю!

– Кто это? – спросил полицейский.

– Редакция «Тьемпо».

Спустя десять минут новость уже ушла в эфир. На самом деле операцию по захвату Пачо Сантоса начали готовить четыре месяца назад, но никак не могли ее провести, потому что он часто и совершенно внезапно уезжал в командировки. По той же причине пятнадцать лет назад М-19 отказалась от идеи похитить его отца Эрнандо Сантоса.

Однако на сей раз похитители предусмотрели все до мельчайших деталей. Их машины, неожиданно попав в пробку на проспекте Бойака, в районе Восьмидесятой улицы, поехали по тротуару и затерялись в закоулках бедного квартала. Пачо Сантос сидел между двумя похитителями и ничего не видел, поскольку на него надели очки со стеклами, замазанными лаком для ногтей, но он считал, сколько поворотов сделала машина до въезда в гараж. И затем, прикинув время, проведенное в пути, примерно понял, в какой район его привезли.

Поскольку Пачо из-за очков ничего не видел, один из похитителей довел его за руку до конца коридора. Они поднялись на второй этаж, сделали еще пять шагов и вошли в какое-то прохладное помещение. Там очки сняли, и Пачо увидел темную спальню. Окна были закрыты ставнями, под потолком одиноко горела лампочка. Из мебели имелись лишь двуспальная кровать с довольно-таки несвежим бельем и стол, на котором стояли телевизор и портативное радио.

Пачо понял, что похитители спешили не только из соображений безопасности, но и чтобы успеть к началу матча между футбольными клубами «Санта-Фе» и «Кальдас». Ради всеобщего спокойствия Пачо выделили бутылку водки, оставили наедине с радиоприемником и отправились вниз следить за перипетиями матча. Пачо за десять минут ополовинил бутылку, но остался абсолютно трезв. Правда, немного все-таки приободрился, и у него тоже возникло желание послушать трансляцию матча. Он с детства болел за «Санта-Фе», и нынешняя ничья (2:2) так его разозлила, что даже водку пить расхотелось. А после матча, в половине десятого вечера, показали выпуск новостей, и Пачо увидел себя: на записи, которую извлекли из архива, он был в смокинге, и его окружали победительницы конкурса красоты. Только тогда Пачо узнал о гибели шофера.

Когда новости закончились, в комнату вошел охранник в маске. Он заставил Пачо переодеться в серый тренировочный костюм. Похоже, это была тюремная роба для заключенных, попавших в лапы Невыдаванцев. Бандит хотел было отобрать у Пачо противоастматический аспиратор, лежавший в кармане пиджака, но Пачо сказал, что для него это вопрос жизни и смерти. Охранник в маске объяснил ему правила поведения в доме: Пачо разрешалось ходить в туалет, расположенный в коридоре, сколько угодно слушать радио и смотреть телевизор, приглушив звук. Затем он приказал Пачо ложиться спать и привязал его за лодыжку к кровати.

Охранник положил матрас на пол параллельно кровати и через минуту захрапел, периодически присвистывая. Сумерки сгущались. Лежа в темноте, Пачо вдруг осознал, что это всего лишь первая ночь и что будет дальше, совершенно неясно; все, что угодно, может произойти. Он подумал о своей жене Марии Виктории, которую друзья прозвали Мариаве, красивой, умной, волевой женщине, которая родила ему двух сыновей: Бенхамину было полтора года, а Габриэлю – семь месяцев. Где-то по соседству закукарекал петух. Пачо удивило, что он поет так рано. «Наверное, с ума сошел. Какой нормальный петух кукарекает в десять вечера?» – подумал он. Пачо – человек чувствительный, импульсивный, легко может растрогаться: короче, точная копия своего отца. Андрес Эскараби, муж его сестры Хуаниты, погиб при взрыве само-

лета, в который Невыдаванцы подложили бомбу. Стоя среди убитых горем родственников, Пачо произнес фразу, от которой все тогда содрогнулись: «К декабрю одного из нас тоже не будет в живых». Но когда его похитили, он почему-то не чувствовал, что эта ночь окажется для него последней. Пожалуй, впервые в жизни Пачо был совершенно спокоен и не сомневался, что выживет. Поняв по дыханию растянувшегося на полу охранника, что тот не спит, Пачо спросил:

– Кто меня похитил?

– А кого вы предпочитаете, – спросил он в ответ, – партизан или наркомафию?

– Я думаю, что попал к Пабло Эскобару, – сказал Пачо.

– Точно, – подтвердил охранник, но тут же поправился: – Вернее, к Невыдаванцам.

Слухи о похищении Пачо распространились мгновенно. Сотрудники газеты «Тьемпо» обзвонили ближайших родственников, те – своих, и вскоре уже все родные были в курсе. По странному стечению обстоятельств жена Пачо узнала об этом одной из последних. Буквально через несколько минут после случившегося ей позвонил их друг, Хуан Габриэль Урибе; он еще не был уверен, что слухи правдивые, и осмелился лишь спросить, пришел ли Пачо домой. Она сказала, что нет, и Хуан Габриэль не рискнул сообщить ей неподтвержденные сведения. Вслед за ним позвонил Энрике Сантос Кальдерон, троюродный брат Пачо и заместитель главного редактора «Тьемпо».

– Ты уже знаешь про Пачо? – выпалил Энрике.

Мария Виктория решила, что он говорит про некую другую новость, которая была ей известна, и ответила:

– Конечно, знаю.

Энрике спешно попрощался и кинулся звонить другим родственникам. Спустя годы, комментируя это недоразумение, Мария Виктория пошутила:

– Вот что значит считать себя чересчур догадливой!

Впрочем, Хуан Габриэль вскоре позвонил ей опять и тогда уже рассказал обо всем: и об убийстве шофера, и о похищении Пачо.

Президент Гавирия и его ближайшие советники просматривали рекламные ролики, обдумывая, как строить избирательную кампанию в Конституционную Ассамблею; внезапно пресс-секретарь президента Маурисио Варгас прошептал на ухо шефу:

– Пачито Сантоса похитили.

Просмотр не прекратился. Президент снял очки, которые надевал, когда смотрел на экран, и взглянул на Варгаса.

– Держите меня в курсе, – сказал президент и, снова надев очки, уставился в экран. Его близкий друг Альберто Касас Сантамария, министр связи, сидевший рядом, услышал новость и шепотом передал ее президентским советникам. Зал охватило волнение, однако президент и глазом не моргнул, твердо следуя принципу, что надо доводить дело до конца; это правило он усвоил еще со школьной скамьи. Когда показ завершился, Гавирия снял очки, положил их в нагрудный карман и приказал Маурисио Варгасу:

– Позвоните Рафаэлю Пардо, пусть прямо сейчас созовет Совет безопасности.

Затем, как и предусматривалось, президент затеял обмен мнениями по поводу рекламных роликов. И лишь когда решение было принято, стало понятно, каким ударом явилось для него известие о похищении. Через полчаса Гавирия входил в зал заседаний, где его уже поджидало большинство членов Совета безопасности. Не успело заседание начаться, как Маурисио Варгас на цыпочках пошел в зал и сказал на ухо президенту:

– Похитили Марину Монтойя.

На самом деле это случилось в четыре часа пополудни, до похищения Пачо, но потребовалось еще четыре часа, чтобы новость дошла до президента. Эрнандо Сантос Кастильо, отец

Пачо, уже три часа спал в одном из отелей итальянского города Флоренция, за десять тысяч километров от Боготы. В соседней комнате располагалась его дочь Хуанита, а еще в одной – вторая дочь, Адриана, с мужем. Им уже сообщили печальное известие по телефону, но они не решились нарушить покой отца. Зато Луис Фернандо, племянник Эрнандо Сантоса, позвонил прямо из Боготы и, раздумывая, как бы поаккуратнее разбудить дядюшку шестидесяти восьми лет, перенесшего пять операций по шунтированию сердца, не нашел ничего лучшего, чем выпалить:

– У меня очень плохие новости.

Эрнандо, конечно, заподозрил наихудшее, но спросил, как полагается в таких случаях:

– Что случилось?

– Пабло похитили.

Каким бы страшным ни было известие о похищении, это все же не так непоправимо, как убийство, поэтому Эрнандо вздохнул с облегчением.

– Слава Богу! – воскликнул он и, тут же сменив тон, добавил: – Спокойно! Давайте думать, как действовать.

Через час, на рассвете, вдыхая благоухание тосканской осени, семейство Сантосов двинулось в долгий обратный путь на родину.

Родные Дианы Турбай, взволнованные тем, что даже через неделю после ее похищения о ней нет никаких известий, ходатайствовали перед правительством об официальных переговорах правительства с основными повстанческими организациями. Через неделю после того дня, когда Диана должна была бы вернуться домой, ее муж Мигель Урибе и член парламента Альваро Лейва тайно отправились в Зеленый дом, штаб-квартиру Революционных вооруженных сил Колумбии в Восточной Кордильере. Оттуда они связались со всеми вооруженными группировками, пытаясь узнать, не удерживают ли они Диану. Семь формирований ответили отрицательно, выпустив одно сводное коммюнике.

Руководство страны, которое само не знало правды, предостерегало общественность от распространения непроверенной информации и призывало верить только тем известиям, которые будут поступать по линии правительства. Однако суровая, горькая правда заключалась в том, что люди верили только Невыдаванцам, поэтому все с облегчением вздохнули 30 октября (с момента исчезновения Дианы Турбай прошел уже семьдесят один день, а Фредерико Сантоса – сорок два), когда Невыдаванцы развеяли сомнения одной-единственной фразой: «Мы официально признаем, что пропавшие журналисты находятся у нас». Спустя восемь дней похитили Маруху Пачон и Беатрис Вильямисар, и имелись веские основания предполагать дальнейшую эскалацию насилия.

На следующий день после исчезновения Дианы и ее съемочной группы, когда никто еще даже не подозревал, что их похитили, на популярного ведущего программы новостей на радио «Караколь» Ямида Амата напали в центре Боготы бандиты, которые перед этим несколько дней вели за ним пристальную слежку. Амаат умудрился выскользнуть из их лап, неожиданно применив борцовский прием, и чудом уцелел от пули, пущенной ему в спину. А через пару часов дочь экс-президента Колумбии Белисарио Бетанкура Мария Клара ехала в машине с двенадцатилетней дочерью Наталией и тоже умудрилась избежать похищения, когда в одном из жилых кварталов Боготы бандитская машина преградила ей путь. Оба провала, судя по всему, можно объяснить только одним: похитителям было строго-настрого запрещено убивать своих жертв.

* * *

Первыми доподлинно узнали о местонахождении Марухи Пачон и Беатрис Вильямисар Эрнандо Сантос и экс-президент Турбай: через двое суток Пабло Эскобар собственноручно написал своему адвокату: «Можешь сказать им, что Пачон захватили наши люди». 12

ноября пришло еще одно подтверждение: Хуан Гомес Мартинес, главный редактор медельинской газеты «Колумбиано», который раньше уже не единожды вступал с Эскобаром в переговоры от имени Почетных граждан, получил от Невыдаванцев письмо. «Захват Марухи Пачон, – говорилось в письме, – это наш ответ на пытки и похищения людей, которые в последнее время постоянно происходят в Медельине и совершаются теми же самыми службами государственной безопасности, о которых мы уже не раз упоминали в наших предыдущих заявлениях». Дальше было написано, что никого из заложников не освободят, пока ситуация не изменится к лучшему.

Доктор Педро Герреро, муж Беатрис, с первого же дня впавший в депрессию из-за полной невозможности как-либо противостоять происходящему, решил прекратить психиатрическую практику.

– Как я мог принимать пациентов, если мое состояние было еще хуже, чем у них? – говорил он потом.

Доктор не знал, куда деваться от тоски, и лишь старался не заражать ею детей. Он не знал ни минуты покоя, по вечерам утешался виски и проводил ночи без сна под звуки душещипательных болеро, которые передавали по радио «Рекуэрдо». «Любовь моя, – пел какой-то певец, – если ты меня слышишь, ответь!»

Альберто Вильямисар, который с самого начала понимал, что похищение его жены и сестры является одним из звеньев зловещей череды преступлений, старался объединить усилия с родственниками других заложников. Однако первая же встреча с Эрнандо Сантосом его разочаровала. Он пошел на эту встречу с Глорией Пачон де Галан, сестрой Марухи. Эрнандо лежал на диване в глубочайшей депрессии.

– Я думаю, Франсиско убьют. И пытаюсь себя морально к этому подготовить, – с порога заявил Эрнандо.

Вильямисар попробовал рассказать ему о планах переговоров с похитителями, но Эрнандо их мрачно отверг.

– Не будьте наивным, дружище, – сказал он. – Вы понятия не имеете, что это за типы. Нет, тут ничего не поделаешь.

Экс-президент Турбай был настроен не более оптимистично. Ему уже донесли по разным каналам, что его дочь в лапах Невыдаванцев, но он решил не делать никаких публичных заявлений, пока не станет абсолютно ясно, на что они рассчитывают. На предыдущей неделе он ловко увернулся от вопроса журналистов.

– Сердце подсказывает мне, – сказал Турбай, – что Диана и ее сотрудники задержались по работе, но о насильственном удержании говорить пока рано.

Ничего удивительного, что после трех месяцев бесплодных хлопот люди испытывали разочарование. Вильямисар воспринял это именно так и не заразился от них пессимизмом, а, наоборот, с удвоенной энергией взялся за объединение усилий.

Один из приятелей Вильямисара, которого как-то спросили, что он за человек, определил это в двух словах: «Хороший собутыльник».

Вильямисар воспринял такую характеристику добродушно, сочтя это завидным и довольно редким качеством. Но в день похищения жены он вдруг осознал, что в его ситуации это качество может его подвести, и решил на людях не брать в рот спиртного, пока его близкие не окажутся на свободе. Будучи большим выпивохой, Вильямисар знал, что алкоголь притупляет бдительность, развязывает язык и мешает адекватному восприятию реальности. А это рискованно, если тебе нужно тщательнейшим образом взвешивать каждое свое слово и обдумывать каждый поступок. Так что зарок был в его же интересах, как необходимая мера предосторожности. С той поры Вильямисар перестал ходить по гостям и распрощался с богемной жизнью и с пирушками в политических кругах. По вечерам, когда эмоции совсем зашкаливали,

Вильямисар утешался спиртным в одиночку, изливая душу своему сыну Андресу, который пил только минеральную воду.

Вместе с Рафаэлем Пардо Вильямисар пытался затеять альтернативные переговоры, но они всякий раз торпедировались политикой правительства, которое упорно не желало отказываться от экстрадиции. И Пардо, и Вильямисар прекрасно понимали, что это самый мощный рычаг давления на Невыдаванцев, который президент использует, вынуждая их отдаться в руки правосудия, и который они с таким же упорством используют, чтобы этого не делать.

Вильямисар не был военным, но его детство прошло рядом с казармами. Доктор Альберто Вильямисар Флорес, его отец, много лет был врачом президентской гвардии и был очень тесно связан с военными. Дед Альберто, генерал Хоакин Вильямисар Флорес, был министром обороны, а дядя, генерал Хорхе Вильямисар Флорес, главнокомандующим вооруженными силами. Альберто унаследовал от них характер, в котором уживались, казалось бы, несовместимые свойства: он был сердечным и в то же время властным, серьезным и бесшабашным, это был человек дела, прямой, но никогда не опускавшийся до фамильярности, – короче, смесь типичного военного и уроженца провинции Сантандер. Но все-таки гены отца одержали верх, и Альберто отучился на медицинском факультете университета Хавериана, хотя диплома так и не получил, поскольку его захватила политика. А вот привычка всегда иметь при себе короткоствольный револьвер «смит-и-вессон» 38-го калибра (при том, что он не хотел бы пустить его в ход!) у Альберто, наверное, все-таки не от военных, а от сантандерцев. Но каким бы он ни был, вооруженным или безоружным, его главными достоинствами все равно остаются решительность и выдержка. На первый взгляд эти качества кажутся взаимоисключающими, но жизнь показывает, что это не так. Вильямисару, унаследовавшему от предков бойцовский характер, не терпелось предпринять попытку силового освобождения заложников, однако он решил повременить, пока вопрос не встанет ребром.

Поэтому к концу ноября он пришел к выводу, что единственный выход – это встретиться с Эскобаром и поговорить с ним жестко, на равных, по-мужски. И однажды вечером, устав от хлопот, Вильямисар изложил свой план Рафаэлю Пардо. Тот понимал его отчаянное состояние, но на поводу у него не пошел.

– Вот что я вам скажу, Альберто, – без обиняков заявил он. – Вы можете предпринимать любые действия, но если хотите по-прежнему пользоваться нашей поддержкой, все должно быть согласовано. Каждый шаг, Альберто! Это однозначно.

Что, кроме решительности и выдержки, помогло бы Вильямисару разрешить это сложнейшее внутреннее противоречие, когда ему предоставляли свободу, разрешая действовать на свой страх и риск, но в то же время связывали руки?

Глава 3

Маруха открыла глаза и вспомнила старинное испанское изречение: «Бог дает человеку по силам его». С момента похищения прошло десять дней, и они с Беатрис уже начала привыкать к условиям, которые в первую ночь показались им невыносимыми. Хотя похитители твердили им, что это просто военная операция, на самом деле плен оказался хуже тюрьмы. Говорить им разрешалось только в случае крайней необходимости, и то шепотом. С матраса, на котором они спали вдвоем, вставать запретили, и все, что нужно, пленницы должны были просить у охранников, которые не сводили с них глаз, даже когда Маруха и Беатрис спали. Приходилось испрашивать разрешения буквально на все: на то, чтобы сесть, вытянуть ноги, поговорить с Мариной, покурить. Марухе приходилось утыкаться в подушку, чтобы меньше было слышно, как она кашляет.

Единственная кровать, на которой спала Марина, освещалась денно и нощно ночником. Параллельно кровати, на полу лежал матрас, на нем валетом, как две рыбки на знаке Зодиака, спали Маруха и Беатрис; им выделили одно одеяло на двоих. Охранники дремали, сидя на полу и прислонившись спиной к стене. Места было так мало, что когда парни вытягивали ноги, их приходилось класть на матрас. Жили они в полумраке, потому что единственное окошко было закрыто ставнями. Перед сном под дверь подтыкали тряпку, чтобы свет от ночника не проникал через щель в коридор. Ни днем, ни ночью никакого другого освещения в комнате не было, разве что еще мерцал экран телевизора. Лампочку на потолке Маруха заставила выключить, поскольку все лица в синем свете казались жутко бледными. В закупоренной, непрветриваемой комнате царил смрадная жара. Хуже всего было с шести до девяти утра, когда уже проснувшиеся пленницы томились в духоте без еды и питья, дожидаясь, пока из-под двери вынут тряпку и хоть чуточку свежего воздуха проникнет внутрь. Единственным утешением для Марухи и Марины было то, что им всегда исправно, по первому требованию приносили кофе и пачку сигарет. Для Беатрис, специалиста по лечению дыхательных путей, находиться в прокуренной комнатенке было сущей пыткой. Однако она молча это терпела, видя, как счастливы ее подруги. Марина как-то даже воскликнула, попыхивая сигаретой и наслаждаясь кофе:

– Вот будет здорово, когда мы в один прекрасный день встретимся у меня дома, покурим, выпьем кофейку и посмеемся, вспоминая эти ужасные дни!

И Беатрис впервые не расстроилась из-за того, что они опять надымили, а пожалела о том, что сама не курит.

Тот факт, что трех пленниц держали в одном помещении, судя по всему, объяснялся чрезвычайными обстоятельствами, ведь дом, куда поначалу привезли Маруху и Беатрис, оказался «засвеченным» после того, как водитель такси, с которым столкнулись похитители, навел полицию на их след. Только так можно объяснить, почему их спешно перевезли в другое место и содержали всех в шестиметровой комнатенке с единственной, да и то узкой кроватью и одним матрасом на двоих. В комнатенке, которая была чересчур мала для трех узниц и пары периодически сменявшихся охранников. Марину же перевезли сюда из другого дома – или усадьбы, как утверждала она, – из-за того, что тамошние охранники пьянствовали, бесчинствовали и в результате чуть было не провалили всю организацию. В общем, ничем иным, кроме неких чрезвычайных обстоятельств, нельзя объяснить, почему одна из крупнейших транснациональных корпораций проявила такое поразительное бессердечие, не обеспечив своим при-спешникам и жертвам человеческих условий содержания.

Заложницы понятия не имели, где они находятся. Судя по звукам, доносившимся снаружи, неподалеку было шоссе, по которому ездили фуры. Еще, похоже, рядом была открытая допоздна палатка, где торговали спиртным и откуда доносилась музыка. Иногда включался репродуктор, и народ созывали то на какую-нибудь политическую акцию, то на церковную

службу, а порой транслировали оглушительную музыку. Несколько раз скандировали лозунги избирательной кампании – близилась выборы в Конституционную Ассамблею. Но чаще всего раздавался гул маленьких самолетов, которые взлетали и садились где-то неподалеку; это навело на мысль о том, что узниц держат в окрестностях Гуайярмарала, небольшого аэропорта, находящегося в двадцати километрах севернее Боготы. Маруха, с детства привыкшая к климату саванны, даже по запаху свежего воздуха, проникавшего в комнату, чувствовала, что они не на природе, а в городской черте. Да и охранникам незачем было бы принимать такие усиленные меры предосторожности, если бы они находились в уединенном месте.

Больше всего узниц удивляло жужжание вертолета, которое порой раздавалось так близко, что казалось, он зависал прямо над крышей дома. Марина Монтойя утверждала, что на вертолете прилетает командир, отвечающий за похищения заложников. Постепенно они привыкли к этим звукам, ведь за время их плена вертолет приземлялся возле дома минимум раз в месяц, и женщины не сомневались, что это имеет к ним прямое отношение.

Однако понять, что в рассказах Марины правда, а что – плоды буйной фантазии, порой было невозможно. Например, она уверяла, что Пачо Сантоса и Диану Турбай держат в соседних комнатах и командир, прилетая на вертолете, занимается сразу всеми заложниками. Однажды из внутреннего дворика донеслись какие-то подозрительные звуки. Хозяин костерил жену, приказывая второпях что-то убрать, перенести в сторону, перевернуть вверх ногами. Как будто речь шла о трупке, который никак не удавалось куда-то запихнуть. Марина, захваченная мрачными фантазиями, решила, что бандиты расчленили тело Франсиско Сантоса и закапывают его по кускам под плитами кафельного пола на кухне.

– Если они начали убивать заложников, то уже не остановятся, – твердила она. – Теперь мы на очереди.

Ну и натерпелись же они страху в тот вечер! А потом случайно узнали, что хозяева просто переставляли на другое место стиральную машину и никак не могли управиться с ней вчетвером.

По ночам в округе царила полная тишина. Только безумный петух кукарекал, когда ему вздумается, невзирая на часы. В отдалении слышался собачий лай. А порой лаял соседский пес; похоже было, что это сторожевая, специально обученная собака. Маруха впала в уныние. Она свернулась на матрасе калачиком, закрыла глаза и несколько дней не открывала их без крайней необходимости, стараясь привести свои мысли в порядок. Спать по восемь часов подряд она была не в состоянии; ей удавалось забыться сном от силы на полчаса, после чего она вновь возвращалась к реальности, где ее подстерегала тоска. Тоска и постоянный страх: Маруха физически ощущала в животе какой-то комок, который в любую минуту мог лопнуть, вызвав приступ паники. Маруха вспоминала свою жизнь, стараясь утешиться хорошими моментами, однако их все время заслоняло что-то плохое. Когда они с мужем в третий раз приехали из Джакарты в Колумбию, Луис Карлос Галан за дружеским обедом попросил Маруху помочь ему в грядущей избирательной кампании. Во время прошлых выборов она была его имиджмейкером, разъезжала с сестрой Глорией по стране, они вместе радовались победам и переживали неудачи, рисковали. Поэтому предложение Галана выглядело вполне логичным. Маруха была польщена, ей стало приятно, что ее труд оценили. Но в конце завтрака в облике Галана вдруг промелькнуло нечто странное, лицо его будто осветилось каким-то сверхъестественным светом, и у Марухи откуда-то возникла уверенность, что его убьют. Она поняла это так отчетливо, что убедила мужа возвратиться в Индонезию, хотя генерал Маса Маркес предупредил, что там ему грозит смертельная опасность. Через восемь дней после возвращения в Джакарту их разбудили известием о том, что Галан убит.

После той истории у Марухи появилась склонность к депрессии, а похищение эту склонность усугубило. Маруха никак не могла избавиться от мысли, что ее теперь тоже подстерегает смертельная опасность. Она отказывалась разговаривать и принимать пищу. Ее раздражала

беспечность Беатрис и грубость охранников в масках, тошнило от Мариной покорности и от того, что она уже чуть ли не идентифицировала себя со своими тюремщиками. Порой казалось, что эта женщина тоже работает охранницей. Марина призывала Маруху к порядку, если та начинала храпеть, кашляла во сне или слишком часто ворочалась с боку на бок. Поставит Маруха куда-нибудь стакан – Марина испуганно ойкает и тут же переставляет его на другое место. У Марухи все это вызывало глубокое презрение.

– Не надо так волноваться! – говорила она. – Не вы здесь командуете.

В довершение всех бед, тюремщиков нервировало то, что Беатрис целыми днями строила свои записки, фиксируя до мельчайших подробностей их пребывание в плену: выйдя на свободу, она намеревалась рассказать обо всем мужу и детям. А еще она составила длинный список того, что ее особенно раздражало в комнате, и прекратила его дополнять, лишь поняв, что ей омерзительно буквально все. Охранники услышали по радио, что Беатрис – физиотерапевт, и, перепутав физиотерапевта с психотерапевтом, запретили ей вести записи: они боялись, что она откроет какой-нибудь научный способ свести их с ума.

То, что Марина так деградировала, было вполне объяснимо. Она восприняла появление двух других заложниц как невыносимое посягательство на ее мирок, в котором она уже как-то освоилась, проведя почти два месяца в преддверии смерти, и в который не хотела впускать никого постороннего. Из-за новых узниц глубокое взаимопонимание, которого Марине уже удалось достичь с охраной, нарушилось, и не прошло и двух недель, как Марину вновь захлестнули боль и чувство невыразимого одиночества, с которыми она уже, казалось, справилась.

Но, несмотря на все это, самой страшной была для Марухи первая ночь. Холодная и бесконечная. В час ночи температура в Боготе колебалась, по сводкам синоптиков, от 13 до 15 градусов; в центре города и в районе аэропорта шел дождь. Ее сразила усталость. Едва уснув, она захрапела, но постоянно просыпалась, потому что ее мучил кашель курильщика; неудержимые, затяжные приступы кашля еще больше усиливались, поскольку стены комнаты были влажными. Каждый раз, когда Маруха кашляла или храпела, охранники тыкали ее ногами в голову. Марина в панике им поддакивала и грозила Марухе, что если она и дальше будет ворочаться, ее привяжут к матрасу, а если не прекратит храпеть, заткнут рот кляпом.

Утром Марина предложила Беатрис послушать выпуск радионовостей. И зря! В первом интервью Ямиду Амату на радио «Караколь» доктор Педро Герреро высказался о похитителях весьма нелицеприятно и вызывающе. Он призвал их вести себя по-мужски, не прятаться. Беатрис пришла в ужас, она не сомневалась в том, что эти оскорбления выйдут им с Марухой боком.

И действительно, спустя два дня хорошо одетый начальник ростом под метр девяносто пинком распахнул дверь и вихрем ворвался в комнату. Безупречно сидевший на нем шерстяной костюм, итальянская обувь и желтый шелковый галстук никак не вязались с дикарскими манерами. Пару раз обругав охранников, он начал издеваться над самым боязливым из них, по прозвищу Золотушный.

– Я слышал, у тебя нервишки шалят... Смотри, нервные у нас быстро умирают...

И тут же развязно обратился к Марухе:

– Я узнал, что вы ночью всем мешали: шумели, кашляли.

Подчеркнутое спокойствие Марухи сильно смахивало на презрение.

– Я храплю во сне и не могу себя контролировать, – заявила она. – А кашляю потому, что в комнате сыро, под утро по стенам даже струится вода.

Однако верзила не собирался выслушивать жалобы.

– По-вашему, тут можно делать все, что хотите? – завопил он. – Если еще раз начнете ночью храпеть или кашлять, мы вам прострелим голову! – И добавил, повернувшись к Беатрис: – Или не вам, а вашим мужьям или детям. Мы их всех знаем! Всех можем найти!

– Делайте что хотите, – заявила Маруха, – а я не могу не храпеть. Хоть убейте!

Она говорила искренне и впоследствии убедилась, что это было правильно. В первые дни с заложниками обращались намеренно грубо, чтобы их психологически подавить. А вот Беатрис вела себя не так высокомерно, поскольку ее напугало гневное выступление мужа по радио.

– Зачем впутывать сюда наших детей? При чем тут они? – чуть не плача, вскричала она. – У вас что, своих детей нет?

Он ответил, что есть, и, похоже, смягчился, но Беатрис свой бой проиграла: рыдания не дали ей продолжить фразу. Маруха же, окончательно взяв себя в руки, посоветовала шефу охранников связаться с ее мужем, если они действительно хотят о чем-то договориться.

Похоже, он последовал ее совету, потому что, появившись в воскресенье, вел себя уже по-другому. Он принес газеты с заявлением Альберто Вильямисара, в котором тот выражал готовность договориться с похитителями. Похитители, по всей видимости, и сами начали действовать в том же направлении. По крайней мере шеф охранников был так любезен, что даже предложил заложницам составить список необходимых вещей, куда вошли мыло, зубные щетки и паста, сигареты, крем для лица и некоторые книги. Частично просьбы удовлетворили уже на следующий день, а вот книг пришлось дожидаться четыре месяца. Постепенно у узниц собралась целая коллекция открыток с изображением Предвечного Младенца и Девы Марии, которые дарили им охранники на прощание или возвращаясь из отпуска. Через десять дней жизнь уже вошла в привычную колею. Обувь держали под кроватью, но поскольку в комнате было очень влажно, охранники иногда выносили ее в патио просушиться. Ходить разрешалось только в мужских носках, которые им выдали в первый же день; носки были из толстой шерсти, разного цвета, причем приходилось надевать сразу две пары, чтобы не слышно было шагов. Одежду, в которой женщины были в день похищения, конфисковали, а взамен выдали по паре спортивных костюмов, серому и розовому, и два набора нижнего белья, которое они стирали в душе. Поначалу спали одетыми. Потом, когда им выдали ночные рубашки, в особо холодные ночи их надевали поверх тренировочных костюмов. Еще пленницам дали по холщовой сумке для хранения скудных пожитков: сменного тренировочного костюма и чистых носков, сменного комплекта нижнего белья, гигиенических салфеток, лекарств, туалетных принадлежностей.

На трех узниц и четверых охранников в доме имелся всего один туалет. Женщинам разрешалось дверь закрывать, но не запирается на задвижку, а в душе нельзя было задерживаться больше десяти минут, даже когда они стирали белье. Курить давали вволю, и Маруха выкуривала в день пачку с лишним, а Марина – еще больше. В комнате стоял телевизор и было портативное радио: заложниц интересовали новости, а охранников – музыка. Женщины слушали утренние новости как бы тайком, еле-еле включив звук; зато охранники не церемонились и врубали радио на такую мощность, на какую хочется, под настроение.

Телевизор включали в девять утра, чтобы посмотреть образовательные программы, сериалы и пару-тройку каких-нибудь передач, а затем – полуденные новости. Но самая горячая телепора наступала с четырех до одиннадцати вечера. В это время телевизор вообще не выключался, как часто бывает в детской, даже когда никто его не смотрит. Но когда передавали выпуски новостей, заложницы приникали к экрану и жадно ловили каждый момент, стараясь угадать, что им намеками пытаются сообщить родственники. Бог знает сколько таких намеков они не поняли, а сколько ничего не значащих фраз, наоборот, их напрасно обнадежили.

За первые два дня Альберто Вильямисар появился в различных новостных программах целых восемь раз. Он не сомневался, что таким образом хотя бы однажды его голос дойдет до пленниц. Кроме того, почти все Марухины дети работали в СМИ. У некоторых в сетке вещания были свои передачи, и, пользуясь этим, они постарались установить с матерью связь, хотя понимали, что связь эта односторонняя и, вполне вероятно, толку никакого не будет.

Включив в среду телевизор, пленницы сразу же попали на передачу, которую подготовила Алехандра, вернувшись из Гуахиры. Психиатр Хайме Гавирия – он был коллегой мужа Беатрис и давним другом семьи – дал несколько ценных советов, как сохранять присутствие духа, очутившись в замкнутом пространстве. Хорошо знавшие доктора Маруха и Беатрис уловили смысл передачи и запомнили его рекомендации.

Это была первая из восьми передач, которые Алехандра подготовила на основе долгой беседы с доктором Гавирией о психологии заложников. Она старалась выбирать темы, интересные для Марухи и Беатрис, и вкрапливала в текст некоторые сообщения личного характера, которые могли понять только они. В конце концов Алехандра решила каждую неделю так подбирать вопросы для гостей передачи, чтобы их ответы вызывали у заложниц необходимые ассоциации. Самое удивительное, что и многие телезрители, не подозревая о намерениях ведущей, чувствовали, что в этих вроде бы невинных вопросах есть некий скрытый смысл.

Неподалеку, в том же самом городе, условия содержания Франсиско Сантоса тоже были жуткими, но режим не таким суровым. Вероятно, потому что заложницам еще и пытались отомстить, а не только преследовали при их похищении политические цели. Кроме того, почти наверняка Маруху и Пачо охраняли разные команды боевиков. Понятно, что из соображений безопасности эти команды должны были действовать отдельно друг от друга и не иметь между собой никакой связи. Но все равно необъяснимо, почему настолько по-разному относились к заложникам. Охранники Пачо держались более непринужденно, независимо и дружелюбно, меньше маскировали свои лица. Самое большое неудобство Пачо причиняло то, что его на ночь приковывали к кровати металлической цепью, обмотанной изолентой, чтобы цепь не натерла кожу. А у Марухи и Беатрис даже кровати, к которой бы их привязывали, не было!

Пачо с первого же дня исправно доставляли газеты. Сведения о его похищении были настолько туманными и так было много домыслов, что похитители откровенно потешались над отсебятиной журналистов. К моменту похищения Марухи и Беатрис у Пачо уже установился четкий распорядок дня. Ночь он проводил без сна и мог задремать лишь утром, часов в одиннадцать. Он смотрел телевизор то один, то с охранниками, обсуждал с ними новости и особенно любил поговорить про футбол. Читал Пачо до одури, однако у него все равно хватало сил перекинуться с охраной в картишки или сыграть в шахматы. Кровать была удобной, и поначалу он спал хорошо, но потом у него начались страшный кожный зуд и резь в глазах; правда, когда простыни стирали, а в комнате сделали генеральную уборку, все прошло. В полумраке Пачо сидеть не заставляли, потому что окна были закрыты ставнями и охрана не боялась, что с улицы увидят свет.

В октябре произошло неожиданное: Пачо велели подготовить послание для родных – в доказательство того, что он жив. Ему стоило огромного труда сохранить самообладание. Пачо попросил принести побольше черного кофе и две пачки сигарет и на одном дыхании составил обращение, не изменив ни запятой. Потом записал свою речь на мини-кассету – связные предпочитали брать такие кассеты, а не обычные, потому что маленькие было легче спрятать. Пачо старался говорить как можно медленнее и четче, не подавая виду, что на душе у него кошки скребут. Под конец, в качестве доказательства, что запись сделана именно в данный конкретный день, он зачитал заголовки свежего выпуска газеты «Тьемпо». Пачо остался доволен текстом, особенно первой фразой: «Всем, кто меня знает, наверняка понятно, как тяжело мне сейчас говорить». Но потом, прочитав на холодную голову уже опубликованный текст, Пачо подумал, что последней фразой, в которой он просил президента сделать все возможное для освобождения журналистов, он невольно затянул удавку на своей шее. Ведь он просил, чтобы президент «действовал, не выходя за рамки законов и конституционных принципов, поскольку это важно как для стабильности страны, так и для похищенной ныне свободы прессы». Узнав о похищении Марухи и Беатрис, которое случилось несколько дней спустя, Пачо совсем при-

уныл, поняв, что история затягивается и усложняется еще больше. И тогда у него зародились мысли о побеге, превратившиеся впоследствии в навязчивую идею.

Съемочная группа Дианы, похищенная спустя три месяца и находившаяся в пятистах километрах севернее Боготы, содержалась в условиях, резко отличавшихся от условий содержания других заложников, поскольку спрятать в одном месте двух женщин и четверых мужчин, не нарушая при этом правил безопасности, весьма затруднительно. С Марухой и Беатрис охранники обращались просто зверски. С Пачо Сантосом, наоборот, охрана, состоявшая из его сверстников, вела себя на удивление панибратски и беспечно. Съемочная же группа Дианы попала в обстановку какой-то непрерывной импровизации, из-за чего и заложники, и террористы находились в постоянной тревоге, не знали, что будет дальше, заражали волнением окружающих и нервничали от этого еще больше.

Группу постоянно куда-то перемещали. За время плена их безо всяких объяснений раз двадцать перебрасывали с места на место в окрестностях Медельина или даже в самом городе, поселяя в домах, которые разительно отличались друг от друга и по архитектуре, и по классу жилья, и по условиям проживания. Быть может, так происходило потому, что в отличие от Боготы наркомафия чувствовала себя тут как дома, где все полностью подконтрольно и есть прямая связь с руководством.

Заложников всего дважды, и то непродолжительное время, держали вместе. Сначала их разделили пополам: Ричарда, Орландо и Эро Бусса поселили в одном доме, а Диану, Асусену и Хуана Витту – в другом, неподалеку. Иногда переезжать приходилось совершенно внезапно, невзирая на время суток и даже не успев собрать пожитки, потому что в дом могла нагрянуть полиция; почти всегда они шли пешком, карабкаясь по крутым склонам и меся грязь под бесконечным дождем. Диана была женщиной сильной и решительной, однако эти суровые, унижительные переходы, помноженные на тяжелые морально-физические условия плена, даже ей оказывались не по силам. В других случаях их с какой-то поразительной простотой перевозили по улицам Медельина на обычном такси, избегая полицейских кордонов и дорожных патрулей. Самым тягостным для всех было то, что в первые недели об их похищении никто не подозревал. Заложники смотрели телевизор, слушали радио, читали газеты, и нигде об их исчезновении не было ни слова. Лишь 14 сентября «Криптон» сообщил без ссылки на источник, что журналисты на самом деле находятся не в лагере повстанцев, а похищены Невыдаванцами. Но прошло еще несколько недель, прежде чем сами Невыдаванцы официально признали этот факт.

За группу Дианы отвечал неглупый, общительный человек, которого остальные звали дон Пачо, без фамилии или каких-либо еще уточнений. Ему было лет тридцать, но выглядел он солидно и казался старше. Дон Пачо одним своим появлением тут же разрешал всякие бытовые проблемы и вселял надежды на будущее. Он приносил заложницам в подарок книги, конфеты, кассеты с музыкой, рассказывал, как продвигаются дела, какая обстановка в стране.

Однако дон Пачо приходил довольно редко, а делегировать свои полномочия подчиненным не умел. Охранники и связные вели себя недисциплинированно, масок не носили, называли друг друга кличками из комиксов, носили заложникам из дома в дом записки или передавали что-то на словах, чем хотя бы немного утешали бедняг. В первую же неделю пленникам купили, как положено, спортивные костюмы, туалетные принадлежности, начали приносить местные газеты. Диана и Асусена играли с охраной в шашки и часто помогали парням составлять список покупок. Один из них обронил фразу, которая так поразила Асусену, что она записала ее в дневник: «О деньгах не беспокойтесь, их у нас полно». Поначалу охранники творили что хотели: включали музыку на полную громкость, ели в любое время суток, расхаживали по дому в трусах. Но Диана взяла вожжи в свои руки и призвала парней к порядку: заставила их одеваться прилично, приглушить звуки музыки, поскольку они мешали заложникам спать, а

одного из охранников, пытавшегося пристроиться на матрасе у ее кровати, даже выгнала из комнаты.

Двадцатичетырехлетняя Асусена была спокойной, романтической и уже не мыслила себе существования без мужа после того, как на протяжении четырех лет училась жить вместе с ним. Ее мучили приступы беспричинной ревности, и она писала мужу любовные письма, прекрасно сознавая, что он их никогда не получит. С первых же дней заключения Асусена вела дневник, собираясь потом, по свежим впечатлениям написать книгу. Асусена работала в новостной программе Дианы уже несколько лет, но их отношения не выходили за рамки рабочих. Несчастье их сблизило. Они вместе читали газеты, болтали до утра, а потом спали до обеда. Диана обожала поговорить, и Асусена узнала от нее много такого, о чем в школе ей не рассказывали.

Члены съемочной группы вспоминают, что Диана была умной, веселой, жизнерадостной, очень хорошо разбиралась в политике. В моменты уныния она каялась перед товарищами за то, что втравила их в эту авантюру.

– Мне не важно, что будет со мной, – говорила она, – но если с вами что-то случится, я себе этого никогда не прощу!

Особенно Диану тревожило слабое здоровье Хуана Витты, с которым ее связывала старинная дружба. Он был одним из тех, кто наиболее активно и убедительно отговаривал Диану от поездки, но все же отправился вместе с ней, хотя буквально накануне выписался из больницы после тяжелого сердечного приступа. Диана этого не забыла. В первое же воскресенье она в слезах прибежала к Хуану спросить, ненавидит ли он ее за то, что она его не послушалась. Хуан честно ответил: «Да». Узнав, что они попали в лапы к Невыдаванцам, он возненавидел ее всей душой, но в конце концов стал воспринимать плен как поворот неотвратимой судьбы. И гнев, который он поначалу испытывал, сменился чувством вины из-за того, что он не сумел отговорить Диану.

Эро Бусс, Ричард Бесерра и Орландо Асеведо, которых поселили в доме неподалеку, чувствовали себя куда вольготнее. В шкафах они обнаружили неслыханное количество мужской одежды, причем вещи были в упаковках, с этикетками известнейших европейских фирм. Охранники сказали, что у Пабло Эскобара на разных конспиративных квартирах имелись такие запасы сменной одежды.

– Пользуйтесь случаем, ребята, просите что хотите, – шутили охранники. – Конечно, придется малость обождать с доставкой, но за полдня мы выполним любую вашу просьбу!

Еду и напитки им приносили прямо-таки в сумасшедших количествах; поначалу провизия доставлялась на муле. Эро Бусс заявил, что немцы не могут жить без пива, и в следующий раз ему привезли три ящика.

– Обстановка была непринужденной, – потом рассказывал Эро Бусс, отлично изъясняясь по-испански.

В те дни он упросил охранников сфотографировать их с товарищами втроем за чисткой картошки к обеду. Потом, когда уже в другом доме фотографировать запретили, он ухитрился спрятать автоматическую фотокамеру на шкафу и сделал целую серию цветных слайдов, запечатлев на них себя и Хуана Витту.

Они играли в карты, домино, шахматы, но тягаться с охранниками им было не под силу: те, во-первых, сильно задирали ставки, а во-вторых, беззастенчиво мухлевали. Все охранники были молоды. Младший, лет пятнадцати от роду, очень гордился тем, что получил первую премию в конкурсе по отстрелу полицейских: за голову каждого давали по два миллиона. Они испытывали такое презрение к деньгам, что Ричард Бесерра тут же продал им солнечные очки и операторский жилет по цене, за которую можно было купить пять новых.

Порой, холодными ночами, охранники курили марихуану и поигрывали оружием. Пару раз оружие случайно выстреливало. Одна пуля пробила дверь туалета и попала сидевшему

там парню в коленку. А как-то, услышав по радио призыв Папы Римского Иоанна Павла II освободить заложников, один из охранников вскричал:

– Чего этот сукин сын лезет в наши дела?

Его напарник, возмущенный оскорблением Папы, вскочил, и заложникам пришлось их разнимать, иначе дело дошло бы до перестрелки. Но это был единственный раз, в остальных случаях Эро Бусс и Ричард не вмешивались, чтобы не попасть под горячую руку. Орlando же и подавно помалкивал, поскольку считал, что он в этой группе сбоку припека, а значит, будет первым кандидатом на уничтожение.

Через некоторое время заложников разделили уже на три группы и поселили в трех разных домах: Ричарда с Орlando, Эро Бусса с Хуаном Витгой и Диану с Асусеной. Первую пару повезли в такси на виду у всех через запруженный транспортом центр города, а ведь их уже разыскивала вся секретная полиция Медельина. Поместили их в недостроенном доме, в комнате площадью два метра на два, больше напоминавшей тюремную камеру, без света, с грязным туалетом и четырьмя охранниками. Спали все на двух матрасах, положенных на пол. В соседней комнате, которая всегда была заперта, держали другого пленника, за которого, по словам охранников, требовали многомиллионный выкуп. Это был тучный мулат с массивной золотой цепью на шее, его держали в полной изоляции со связанными руками.

Диана и Асусена большую часть плена провели в просторном, удобном доме; похоже, то была личная резиденция какого-то босса. Их сажали за стол вместе с хозяевами, они участвовали в общих разговорах, слушали модные диски. В том числе, как указывает в своих записях Асусена, песни Росио Дуркаль и Хуана Мануэля Серрата. Именно в этом доме Диана увидела телепередачу, снятую у себя дома, в Боготе, и, глядя на экран, спохватилась, что куда-то спрятала ключи от платяного шкафа, но не могла вспомнить, куда именно: за стойку с аудиокассетами или за телевизор в спальне. А еще она сообразила, что забыла запереть сейф, – в такой спешке выметнулась из дома, мчась навстречу несчастью.

«Надеюсь, никто туда не сунется», – написала она в письме своей матери.

И через несколько дней в одной из телепередач получила успокаивающий ответ.

Жизнь обитателей дома, похоже, совершенно не изменилась из-за заложниц. Приходили какие-то женщины, которые обращались с узниками, как с родными, дарили им образки и открытки с изображением святых, выражая надежду, что святые помогут им обрести свободу. Гости являлись целыми семьями, с детьми и собаками, которые резвились, бегая по комнатам. А вот с погодой не повезло. В те редкие дни, когда припекало солнышко, пленницы не могли позагорать, потому что во дворе все время работали строители. А может, то были охранники, переодетые каменщиками. Диана и Асусена сфотографировали друг друга на кроватях и не заметили никаких изменений в своей внешности. На снимке же, который был сделан три месяца спустя, Диана уже выглядит изможденной и постаревшей.

19 сентября, узнав о захвате Марины Монтойи и Франсиско Сантоса, Диана вдруг поняла, что похищение ее съемочной группы – это не отдельное событие, как ей казалось поначалу, а лишь одно из звеньев серьезнейшей политической комбинации, которую наркомафия затеяла для того, чтобы навязать правительству свои условия сдачи. Дон Пачо это подтвердил: оказывается, имелся целый список журналистов и видных деятелей, которых при необходимости мафия собиралась похитить. Тогда-то Диана и решила вести дневник, не столько ради самих событий, сколько для того, чтобы описывать в нем свои настроения и давать оценку происходящему. В этом дневнике есть и какие-то истории из ее жизни в плену, и анализ политической ситуации, и житейские наблюдения, и односторонние диалоги с родными, с Богом и Девой Марией. Несколько раз на страницах дневника полностью приведены тексты молитв, в том числе «Отче наш» и «Аве Мария». Такая необычная, письменная молитва, вероятно, казалась ей более глубокой.

Совершенно очевидно, что Диана не собиралась публиковать дневник; она вела его для себя, чтобы у нее осталась память о политических и личных перипетиях того времени, однако события повернулись так, что теперь дневник воспринимается как надрывный диалог Дианы с самой собой. Почерк у Дианы был крупный и округлый, писала она очень аккуратно, однако разбирать написанное трудно, потому что буквы вплотную подходили к верхнему краю линейки (она писала в ученической тетради) и одна строка набегала на другую. Поначалу Диана делала свои записи украдкой на рассвете, но затем охранники это заметили и не поскупились на бумагу и ручки, так что она могла спокойно заниматься своим делом, пока они спали.

Первая запись сделана 27 сентября, через неделю после похищения Марины и Пачо. «Со среды, то есть с 19 числа, когда к нам приезжал ответственный за спецоперацию, произошло столько всего, что даже дух захватывает», – говорится в дневнике. Диана задалась вопросом, почему никто до сих пор не взял на себя ответственность за похищение, и сама же ответила: наверное, для того, чтобы иметь возможность втихаря убить заложников, если они вдруг не пригодятся. «Я понимаю это именно так, и меня охватывает ужас», – написала Диана. Состояние ее товарищей беспокоило Диану больше, чем свое собственное, и она пыталась любыми способами получить информацию о том, что с ними происходит. Семья Дианы, особенно мать, отличалась набожностью; Диана тоже была воцерковленной католичкой, и ее вера с годами становилась все более ревностной и глубокой, даже с оттенком мистицизма. Диана молилась Богу и Божией Матери за всех, кто имел какое-либо отношение к ее жизни. Даже за Пабло Эскобара! «Быть может, ему еще нужнее Твоя помощь, – писала она, обращаясь к Богу в своем дневнике. – Я знаю, Ты стремишься научить его добру, чтобы помочь избежать еще больших страданий. Пожалуйста, сделай так, чтобы он вошел в наше положение!»

Несомненно, самым трудным для всех заложников было научиться сосуществовать со своей стражей. Маруху и Беатрис охраняли четверо парней, совершенно неотесанных, грубых и неуравновешенных. Они дежурили по двое, сидя на полу с автоматами на изготовку, и сдавали вахту через каждые двенадцать часов. Все парни носили майки с рекламными надписями, кроссовки и шорты, порой самодельные: охранники просто обрезали брючные штанины садовыми ножницами. Заступив на дежурство в шесть утра, один из парней тут же засыпал и до девяти не просыпался, так что другой караулил заложниц в одиночку; но еще чаще они дрыхли вдвоем. И если бы в это время в дом нагрянула полиция, караульные, по мнению Марухи и Беатрис, даже не успели бы проснуться.

Парни были убежденными фаталистами. Они знали, что умрут молодыми, и смирились с этой участью. Для них главное было жить сегодняшним днем. Они оправдывали свое поганое ремесло тем, что им надо помочь семье, приодеться, купить мотоцикл и обеспечить счастливую старость своим обожаемым матерям, ради которых они были готовы умереть. Бандиты, как и их жертвы, поклонялись Богомладенцу и Деве Марии. Они каждый день молили Бога о защите и милосердии; в этом была извращенность, поскольку, по сути, просьбы были о помощи в преступлениях, а взамен предлагались обильные пожертвования. Помимо Бога и Его святых, парни поклонялись рогипнолу – транквилизатору, который помогал им подражать героям кинобоевиков.

– Если еще и пивом запить, то в раж входишь с пол-оборота, – делился опытом охранник. – А тогда – милое дело пугануть кого-нибудь пистолетом и угнать тачку, чтобы покататься. Обожаю глядеть на перекошенные от страха рожи хозяев, отдающих тебе ключи...

Все остальное: политиков, правительство, государство, суд, полицию и общество в целом, – они ненавидели.

– Жизнь, – говорили они, – это дерьмо.

Сперва женщины не могли различать боевиков, потому что в масках они казались совершенно безликими. Как будто это был один человек. Но со временем стало понятно, что маска скрывает только лицо, а не характер. И заложницы научились их распознавать. У каждой маски

было что-то свое, особенное, свой неповторимый голос. И главное, у каждой было сердце! Так что, сами того не желая, узницы постепенно начали делить со своими тюремщиками одиночество заточения. Они играли с охранниками в карты и домино, помогали им решать кроссворды и головоломки из старых журналов.

Даже Марина, которая полностью покорила тюремным порядкам, не оставалась бесстрашной. Одних тюремщиков она любила, других терпеть не могла, разносила о них злобные сплетни и плела интриги, которые грозили нарушить хрупкую гармонию, установившуюся в комнате. Но при этом она всех заставляла молиться. И все молились!

Среди боевиков, стороживших заложниц в первый месяц плена, был один, страдавший внезапным помрачением рассудка. Его звали Злыднем. Он обожал Марину и всячески старался ее побаловать и ублажить. Зато Маруху Злыдень люто возненавидел с первого взгляда. Неожиданно впадая в бешенство, он пинал телевизор и бился головой о стены.

Самый странный, мрачный, молчаливый охранник был тощим, почти двухметрового роста. Он надевал поверх маски капюшон синего тренировочного костюма и был похож на сумасшедшего монаха. Его так и прозвали – Монах. Он подолгу сидел, скрючившись, в каком-то трансе. Видимо, он был тут из старожилов, потому что Марина его хорошо знала, и он тоже оказывал ей особые знаки внимания. Возвращаясь из отпуска, Монах всегда чем-нибудь одаривал Марину. Однажды он подарил ей пластмассовый крестик на ленточке, и она его надела на шею. Только Марина видела его лицо, ведь до появления Марухи и Беатрис охранники не носили масок и не скрывали своих настоящих имен. Марина считала такое отсутствие конспирации признаком того, что она не выйдет из плена живой. По ее словам, Монах был очень хорош собой, таких красивых глаз она не видела больше ни у кого. Беатрис ей верила: во всяком случае, ресницы у парня были такие длинные и загнутые, что даже высывались сквозь узкие прорезы маски. Монах был человеком крайностей. Заметив у Беатрис медальон с Девой Марией, он заявил:

– Носить цепочки запрещено. Вы должны мне ее отдать.

Беатрис заволновалась:

– Пожалуйста, не надо! Это дурной знак, со мной случится какая-нибудь беда!

Парень проникся ее беспокойством, но объяснил, что носить медальоны запрещено, потому что внутри них могут быть спрятаны электронные механизмы, позволяющие установить их местонахождение. Однако он все же нашел выход.

– Давайте сделаем так, – предложил Монах, – цепочку я вам оставляю, но медальон придется отдать. Извините, но у меня такой приказ.

У Золотушного же была навязчивая идея, что его убьют, и он трепетал от ужаса. Ему чудились какие-то призрачные шумы, он стал нарочно говорить, что у него на лице жуткий шрам, надеясь таким образом ввести в заблуждение врагов, чтобы они не могли его опознать. Стараясь не оставлять отпечатков пальцев, Золотушный протирал спиртом все предметы, к которым прикасался. Марина над ним подтрунивала, но его это не останавливало. Золотушный просыпался посреди ночи и в ужасе шептал:

– Слышите? Слышите? Это полиция!

Как-то раз он погасил ночник, и Маруха очень больно ударила о дверь туалета, даже чуть было не потеряла сознание. А Золотушный еще и выругал ее за неумение ориентироваться в темноте.

– Хватит! – взорвалась она. – Мы тут не в детективном фильме!

Охранники мало чем отличались от заключенных. Им тоже не позволялось ходить по дому, в часы отдыха они спали в соседней комнате, которая снаружи запиралась на задвижку, чтобы они не сбежали. Все они были родом из департамента Антьокия, Боготу знали плохо. И все равно, как рассказывал один из них, когда по истечении двадцати или тридцати дней им давали отпуск, то вывозили с места службы либо с завязанными глазами, либо в багажнике

машины, чтобы они сами не могли найти дорогу к дому. Другой охранник боялся, что когда он станет не нужен, его убьют как опасного свидетеля. Порой, совершенно внезапно, появлялись начальники, хорошо одетые, в масках. Им докладывали, как дела; они отдавали распоряжения. Поведение начальников было непредсказуемым, и как похитители, так и узники ощущали, что они полностью в их власти.

Завтрак узникам приносили когда придется, в самое неожиданное время. Состоял он из кофе с молоком и кукурузной лепешки с сосиской. На обед давали фасоль или чечевицу в серой жиже, в которой плавали кусочки жирного мяса; на гарнир была ложка риса. Для запивки – газировка. Есть приходилось, сидя на матрасе, так как в комнате не было ни одного стула. Кроме ложек, ничего не выдавали: ножи и вилки были запрещены правилами безопасности. На ужин разогревали все ту же фасоль и остатки завтрака.

Сторожа говорили, что хозяин дома по прозвищу Дворецкий присваивает большую часть средств, выделявшихся на содержание заложников. Это был сорокалетний здоровяк среднего роста с гнусавым голосом и красными от недосыпания глазами; заложницам казалось, что он смахивал на фавна. Жену его, низенькую, крикливую, неряшливо одетую, с гнилыми зубами, звали Дамарис. Хотя ей медведь на ухо наступил, она целыми днями громко распевала всякие мелодии и делала это так зажигательно, что казалось, она не только поет, но и отплясывает.

Тарелки, стаканы не мыли, а простыни не стирали, пока заложницы не начинали протестовать. Туалетом разрешали пользоваться лишь четыре раза в день, а по воскресеньям он вообще был закрыт, потому что хозяин с хозяйкой уезжали из дому и боялись, что соседи, услышав в их отсутствие звуки смываемой воды, заподозрят неладное. Охранники тогда мочились прямо в умывальник или в сливное отверстие душа. Дамарис кидалась наводить порядок, только когда становилось известно о скором прибытии вертолета с начальниками, тут она быстро, с проворством пожарников, начинала поливать полы и стены водой из шланга. А так она каждый день смотрела до часу телесериалы, в час бросала в скороварку продукты, предназначенные для обеда: мясо, зелень, картошку, фасоль – все вперемешку. И ставила кастрюлю на огонь, дожидаясь свистка, по которому ориентировалась, что варево готово.

В частых стычках с мужем Дамарис проявляла неукротимое бешенство и такое богатое воображение по части ругательств, что порой ее словесные находки были прямо-таки вершинной творческой озарения. У супругов было две дочери, девяти и шести лет; они ходили в школу по соседству и иногда приглашали к себе друзей посмотреть телевизор или поиграть в патио. По субботам, но не каждую неделю, к девочкам приходила учительница; а шумные хозяйские приятели могли заявиться вообще в любой день, и тогда устраивались импровизированные вечеринки с музыкой. В такие дни комнату заложниц запирали на задвижку, радио заставляли выключить, телевизор разрешали смотреть без звука. Запрещалось и ходить в туалет, даже в случае крайней нужды.

К концу октября Диана Турбай стала подмечать, что у Асусены какой-то озабоченный, грустный вид. Она целыми дня молчала, ко всему была безучастна. Поначалу Диана не удивилась, зная, что Асусена умеет полностью абстрагироваться от окружающей действительности. Особенно ярко это проявлялось, когда она читала, и уж тем более – когда читала Библию. Однако теперь она не просто ушла в себя, а явно чего-то боялась и была необычно бледна. Когда Диана пристала к ней с расспросами, Асусена поделилась с ней своими опасениями: ей уже две недели казалось, что она беременна. Подсчеты ее были ясны. Она находилась в плену уже больше пятидесяти дней, и за это время у нее уже два раза не было месячных. Сочтя это прекрасным известием, Диана запрыгала от радости – такие реакции были для нее характерны, – однако озабоченность Асусены тоже была ей понятна.

Вскоре после похищения дон Пачо пообещал узникам, что в первый четверг октября их освободят. Похоже, обещания начинали сбываться, потому что условия жизни Дианы и Асусены сильно переменились: с ними стали лучше обращаться, лучше кормили, не так стесняли

свободу. Однако дата освобождения постоянно переносилась. В обещанный четверг сказали, что их выпустят 9 декабря, после выборов в парламент. Потом сулили отпустить на Рождество, на Новый год, на праздник волхвов, на чей-то день рождения – и так до бесконечности... На самом деле все это больше смахивало на попытки подсластить горькую пилюлю, чем на реальные обещания.

В ноябре визиты дона Пачо продолжились. Он привез узникам новые книги, свежие газеты, старые журналы, конфеты в коробках, рассказал о других заложниках. Когда Диана поняла, что она в плену не у падре Переса, ей страстно захотелось взять интервью у Пабло Эскобара. Не столько ради публикации, хотя и от нее Диана не отказалась бы, а для того, чтобы обсудить с ним условия его сдачи властям. В конце октября дон Пачо сообщил, что к ее просьбе отнеслись благожелательно. Однако 7 ноября в новостях мечта Дианы впервые столкнулась с суровой реальностью: трансляция футбольного матча между клубом Медельина и сборной страны была прервана сообщением о том, что похищены Маруха Пачон и Беатрис Вильямисар.

Хуан Витта и Эро Бусс тоже это услышали, и им стало ясно, что дело – швах. А еще до них вдруг дошло, что они в этом фильме ужасов – всего лишь статисты. «Для заполнения кадра», как выражался Хуан Витта. А охранники называли их «бросовым материалом». Один, в пылу жаркого спора, даже крикнул Эро Буссу:

– А ты помалкивай! Тебя сюда вообще не звали!

Хуан Витта впал в уныние, отказался есть, плохо спал, утратил интерес к чему бы то ни было и в итоге решил, что уж лучше сразу распрощаться с жизнью, чем умирать по сто раз на дню. Хуан был страшно бледен, руки у него немели, дышал он с трудом, ему снились кошмары. Разговаривал он в те дни только со своими умершими родственниками, которые являлись ему во плоти и толпились у его кровати. Перепуганный Эро Бусс устроил грандиозный скандал.

– Если Хуан тут умрет, вы будете виноваты! – заявил он охранникам.

Те вняли предупреждению и привели доктора Конрадо Приско Лоперу, брата Давида Рикардо и Армандо Альберто Приско Лоперы, главарей знаменитой банды, которые с самого начала трудились с Пабло Эскобаром на поприще наркобизнеса. Им приписывали вербовку наемных убийц среди подростков северовосточного района Медельина. По слухам, эти братья руководили бандой детей-убийц, которым поручались самые грязные дела. В том числе охрана заложников. Однако доктор Конрадо считался в медицинском мире весьма уважаемым специалистом; правда, его репутацию несколько портило то, что он был лечащим врачом Пабло Эскобара. Доктор явился без маски и удивил Эро Бусса приветствием на хорошем немецком языке:

– Hallo, Hero! Wie geht's uns?³

Для Хуана Витты приход доктора был промыслительным. Не из-за того, что доктор поставил Хуану правильный диагноз – затяжной стресс, а потому что Хуан любил читать. Единственным лекарством, которое прописал ему доктор, было чтение хороших книг. А вот политические новости, по мнению доктора Приско Лоперы, были для заложников подобны отраве, способной погубить даже самого здорового человека.

И без того неважное самочувствие Дианы в ноябре ухудшилось еще больше: ее мучили сильные головные боли, спазматические колики. У нее развилась серьезная депрессия, однако в дневнике нет сведений, что к ней вызывали врача. Сама Диана полагала, что депрессия вызвана «зависшей» ситуацией, которая к концу года становилась все неопределеннее.

«Здесь время течет не так, как мы привыкли, – пишет она в дневнике. – Здесь некуда и незачем спешить». Еще одна запись того же времени отражает охвативший ее пессимизм: «Я переоценила свою прошлую жизнь: столько пустых влюбленностей, какая незрелость в принятии серьезнейших решений, сколько времени потрачено зря на всякие пустяки!» Особое место

³ Привет, Эро! Как поживаете? (нем.)

на этом нелюбимом суде совести Диана отвела своей профессии: «Хотя мои взгляды на современную журналистику и на то, какой она должна быть, становятся все более твердыми, мне все равно еще многое непонятно». Ее охватывали сомнения даже по поводу собственного журнала. «По-моему, он какой-то убогий и с коммерческой, и с издательской точек зрения, – пишет Диана и недрогнувшей рукой подписывает приговор: – Ему не хватает глубины и аналитического подхода».

Все заложники жили в ожидании донна Пачо, который приезжал совсем не так часто, как им было обещано. Время для них измерялось от одного его визита до другого. Слыша шум самолетов и вертолетов над крышей дома, пленники думали, что это обычное патрулирование. А у охранников это всякий раз вызывало переполох, и они хватались за оружие. Пленники знали (данный вопрос муссировался в прессе), что в случае вооруженной атаки охрана первым делом расправится с ними.

Но все же в конце ноября забрезжил лучик надежды. Во-первых, рассеялись сомнения, терзавшие Асусену Льевано: беременность оказалась ложной. Вероятно, ее симптомы развились из-за нервного напряжения. Хотя Асусена этому совсем не обрадовалась. Наоборот, оправившись от первоначального испуга, она быстро свыклась с мыслью о ребенке, и эта мысль уже успела превратиться в мечту, которую Асусена поклялась исполнить, как только очутится на воле. Что касается Дианы, то ее обнадежило заявление группы Почетных граждан о возможности достичь неких договоренностей с Невыдаванцами.

Остаток ноября Маруха и Беатрис потратили на привыкание к жизни в неволе. Каждая выработала свою тактику выживания. Смелая, волевая Беатрис постаралась максимально отгородиться от реальности. Первые десять дней такая тактика действовала хорошо, однако затем женщина поняла, что ситуация гораздо сложнее и опаснее, и повернулась к суровой реальности вполоборота. Маруха, обладающая холодным аналитическим умом, который, несмотря на весь ее почти иррациональный оптимизм, не позволяет тешить себя иллюзиями, с самого начала поняла, что она над сложившейся ситуацией не властна и что заточение будет долгим и трудным. Поэтому она ушла в себя, как улитка в свою скорлупку, стараясь собраться с силами, предалась глубоким раздумьям и в конце концов свыклась с неизбежной мыслью о смерти.

«Мы не выйдем отсюда живыми», – сказала себе Маруха и сама удивилась тому, что сознание обреченности произвело на нее обратный эффект. С той минуты она обрела полный самоконтроль, поняла, что вынесет все и всех и что ей удастся убедить охранников ослабить строгость режима. На третьей неделе заточения телевизор всем опостылел, кроссворды закончились, редкие толковые статьи, попадавшие в журналы, которые, вероятно, остались в комнате от других заложников, были прочитаны. Но даже в наихудшие времена Маруха не изменяла своей всегдашней привычке выделять себе два часа в день на раздумья в полном одиночестве.

Однако в начале декабря появились новости, позволявшие надеяться на лучшее. В противовес Марининой привычке выискивать во всем дурные предзнаменования, Маруха старалась по любому поводу делать оптимистические прогнозы. Марина быстро перестроилась и тоже включилась в эту игру: охранник в знак одобрения поднял большой палец – значит, дела идут на лад. Однажды Дамарис не пошла на рынок. Пленницы тут же решили, что ей уже не нужно ходить за покупками, потому что их вот-вот освободят. Они фантазировали, как именно это будет, назначали в своих фантазиях дату, придумывали разные подробности. Поскольку их заставляли сидеть впотьмах, они мечтали о том, что день освобождения будет солнечным и они устроят пир на террасе в доме Марухи.

– Что будем есть? – спрашивала Беатрис.

Марина, прекрасная кулинарка, составляла поистине королевское меню. Начинаясь в виде игры, все заканчивалось вполне серьезно: готовясь выйти на свободу, женщины приводили себя в порядок, красили друг другу ресницы... 9 декабря, когда их вроде бы обе-

щали выпустить по случаю выборов в Конституционную Ассамблею, они даже подготовились к пресс-конференции, продумали, как отвечать на вопросы. День прошел в пустых ожиданиях, но горького осадка не осталось, поскольку Маруха была абсолютно, на сто процентов уверена, что рано или поздно ее муж всех освободит.

Глава 4

Похищение журналистов явилось ответом на попытки президента Сесара Гавирии создать законодательную альтернативу войне с терроризмом, к чему он стремился еще в свою бытность министром в правительстве Вирхилио Барко. Эта тема была центральной в его президентской кампании. Он упомянул ее и в своей инаугурационной речи, заступая на пост президента, но сделал одну важную оговорку: терроризм наркомафии – проблема национальная, а значит, и решаться она должна на национальном уровне. А вот торговля наркотиками ведется в международном масштабе, поэтому и решения здесь должны осуществляться на международном уровне. Причем борьба с наркотерроризмом должна стать приоритетной, ибо при взрыве первой бомбы общественность требует посадить преступников в тюрьму, при взрыве второй заводит речь об экстрадиции, но начиная с четвертого теракта – уже призывает к помилованию. Кроме того, угроза экстрадиции стала бы мощным рычагом давления на наркоторговцев, вынуждая их сдаться в руки правосудия, и Гавирия намеревался применять эту меру весьма решительно.

В первые дни после заступления на пост президента Гавирия даже обсудить тему экстрадиции толком не мог, денно и нощно занимаясь формированием правительства и созывом Национальной конституционной ассамблеи, которой впервые за сто лет предстояло провести глубокие государственные реформы. После убийства Луиса Карлоса Галана Рафаэль Пардо разделял обеспокоенность Гавирии проблемой терроризма. Но и он с головой ушел в инаугурационные хлопоты. Положение Пардо было особенным. Он в числе первых получил назначение в новом правительстве, став советником по вопросам безопасности и охраны правопорядка. Эту должность Пардо предстояло занимать в эпоху потрясений, при президенте, который был одним из самых молодых президентов в XX столетии, зачитывался стихами, обожал «Битлз» и намеревался провести кардинальные реформы, которые сам скромно называл «Переворотом». Носясь как угорелый во всеобщей суматохе, Пардо не расставался с портфелем, набитым бумагами, и где мог пристраивался поработать. Его дочь Лаура между тем подозревала, что его вообще уволили, поскольку у него не было четкого графика работы и он приходил домой и уходил в самое разное время. По правде сказать, вольница, обусловленная тогдашними обстоятельствами, была по вкусу Рафаэлю Пардо, который по своему складу куда больше походил на лирического поэта, нежели на государственного чиновника. Ему было тридцать восемь лет. Он получил хорошее, серьезное образование: диплом бакалавра в Современной гимназии города Боготы, диплом экономиста в Андском университете, где затем девять лет преподавал экономику и занимался научными исследованиями. А последипломное образование в области планирования Пардо прошел уже в Голландии, в Гаагском институте социальных исследований. Пардо запоем читал все, что попадалось ему под руку; особенно его привлекали стихи и такая далекая от поэзии тематика, как безопасность. В те времена у него имелось только четыре галстука, которые ему подарили на четыре последних Рождества; да и без тех он предпочитал обходиться, нося галстук в кармане и надевая его лишь в исключительных случаях. Пардо абсолютно не интересовало, подходят ли его брюки по расцветке и фасону к пиджаку, он мог по рассеянности надеть носки разного цвета и старался ходить в одной рубашке, без пиджака, поскольку не различал жару и холод. Самой разнузданной вакханалией для него являлась игра в покер с дочкой Лаурой аж до двух часов ночи, причем играли они абсолютно безмолвно, не на деньги, а на фасолины. Клавдия, красивая и кроткая жена Рафаэля Пардо, и та раздражалась из-за того, что он как сомнамбула бродит по дому, понятия не имеет, где у них стоят стаканы, как запереть дверь или достать из холодильника лед, и ухитряется каким-то чуть ли не волшебным образом пропускать мимо ушей неприятные вести. Но самой поразительной особенностью Пардо было бесстрашие, делавшее его больше похожим на статую, чем на живого чело-

века: по его лицу нельзя было догадаться, о чем он думает; он умел свести разговор буквально к четырем словам и положить конец жаркому спору каким-нибудь кратким междометием.

Однако сокурсники и коллеги по работе не понимали, чем недовольны домашние Пардо, поскольку считали его умным, трудолюбивым, организованным и необычайно сдержанным человеком; им казалось, что его отрешенность – это скорее защитная маска. Он легко раздражался по пустякам, но проявлял удивительное хладнокровие в критических ситуациях; твердость характера немного смягчалась тонким чувством юмора и хитрецей. Президент Вирхилио Барко, должно быть, по достоинству оценил замкнутость Рафаэля и его любовь ко всему таинственному, поскольку назначил его вести переговоры с повстанцами и налаживать программы реабилитации в зонах конфликтов. И Пардо на этом посту удалось заключить мир с М-19! Президент Гавирия, который, как и Пардо, имел доступ к государственным тайнам и мог потягаться с ним в умении хранить секреты, возложил на него, помимо всего прочего, обеспечение государственной безопасности и общественного порядка, причем в стране, которая считается одной из самых небезопасных и нестабильных в мире. Когда Пардо стал министром, весь его офис умещался в портфеле, до отказа набитом бумагами, и ему в течение двух недель приходилось стучаться в чужие кабинеты, прося разрешения сходить в туалет или позвонить по телефону. Но зато президент часто советовался с ним по разным поводам и с повышенным вниманием прислушивался к нему на совещаниях по особо сложным вопросам. Как-то они остались вдвоем с президентом в его кабинете, и Гавирия сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.